

Самое лучшее
случается
неожиданно...



Олет Бажанов

Олег Иванович Бажанов

Самое лучшее случается неожиданно...

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11654976
«Самое лучшее случается неожиданно...» / Бажанов О.: Издательство
ИП Ракитская Э. Б. (R)«ЗРА»; Москва; 2015
ISBN 978-5-905016-24-0

Аннотация

Олег Бажанов в 1982 году закончил высшее военное училище летчиков, проходил службу на офицерских должностях в армейской авиации Вооруженных Сил России. Уволен в запас в звании подполковника.

В 2009 году принят в Союз российских писателей. В России вышли из печати 8 книг автора. В 2014 году стал стипендиатом министерства культуры РФ и лауреатом конкурса «Царицынская Муза – 2014», книга «Взрослые сказки» номинирована на соискание Государственной премии. В издательстве «Альтаспера» (Канада) опубликовано 10 романов автора.

Новый роман «Самое лучшее случается неожиданно» – девятая книга, издаваемая в России и вторая – в издательстве «Эра». Это интригующий рассказ о жизни и непростых судьбах

наших современников. Жил-был на свете человек, который не верил в любовь! Но дожив до 40 лет, он встретил женщину, которую готов был назвать единственной...

Роман будет интересен широкому кругу читателей.

Олег Бажанов

Самое лучшее случается неожиданно...

Невыдуманные истории о любви всегда интересны. Я не скажу, что вся моя история – вымысел. Хотя, возможно, я что-то и придумал в ней. Ведь в глубине наших фантазий прячется истина, заключающая весь огромный нерациональный внешний мир в скромный по размерам и великий по возможностям мир внутренний. Говорят, что мысль материальна, что словом можно возвысить человека или убить, сделать счастливым или несчастным, заставить плакать или смеяться. Говорят даже, что можно на бумаге написать свою судьбу. И не важно, верим мы в это или нет. Расскажу историю, случившуюся со мной. Судите сами...

Все меня звали Гриднев. Нет, в паспорте значилось имя Виктор и отчество Иванович, но на работе почему-то все звали меня по фамилии – Гриднев. Я работал в отделе экономического планирования одной известной фирмы, занимался скучной аналитикой движения материалов и денежных средств и был не женат.

Личная жизнь не сложилась. На своём собственном жизненном опыте я убедился, что никакой любви не существу-

ет и в помине. Есть лишь обязанности и чувство влечения к противоположному полу, иногда доходящее до страсти, а также недолгая привязанность к конкретному человеку с тонким послевкусием благодарности за приятные отношения. И ещё постоянное, по-детски наивное ожидание чуда. Ведь одна из главных проблем современного человечества в отношениях как раз в том и состоит, что ожидания мужчин и женщин изначально неоправданно велики. Принцев и принцесс некоторые ждут всю жизнь, с каждым очередным провалом накручивая на это тонкое и непрочное основание, из которого растут иллюзии, всё новые и новые ожидания, мол, в следующий раз всё уж точно будет, как в сказке. Конечно, случаются новые отношения, и кажется, что вот она – любовь, но проходит время, и реальность в очередной раз бьёт по самому незащищённому месту, безжалостно ломая все наши выстроенные мечты и планы.

К тому времени, как случилась эта история, я уже был не женат. Детей не имел. Совсем недавно, в наступившем первом месяце весны, отметил свой сороковой день рождения. Отметил тихо и незаметно для всех, веря в примету, что сорок – критический возраст для мужчины.

И вот меня самого пригласили на празднование Дня рождения.

Виновница торжества занимала в нашей фирме значительный пост, её служебный кабинет находился этажом вы-

ше того, где работал я, и одному Богу было известно, как я оказался в списке приглашённых. Но всё же на праздник пошёл. Пошёл, потому что эта яркая особа нравилась мне.

Приближался вечер, и постепенно холодало. В воздухе чувствовалась свежесть, характерная для начала весны с её переменчивой погодой – пахло неотвратимо надвигающимся апрелем.

Моё невезение началось сразу – сломалось маршрутное такси, на котором я ехал в ресторан, а путь предстоял неблизкий – с окраины в центр города. Начав волноваться по поводу опоздания к началу торжества, я остановил легковую машину с шашечками на крыше. Не доехав до ресторана, мы попали в дорожную «пробку», вызванную случившейся впереди аварией. Пришлось идти пешком две остановки. И я, кляня себя и весь город, опоздал на пятнадцать минут.

Из гардероба администратор проводил меня через большой общий зал до дверей малого зала. Когда же я вошёл, играла музыка, и моё появление осталось ни кем не замеченным. Было очевидно, что вступительное слово именинница уже произнесла.

В банкетный зал ресторана собралось человек пятьдесят гостей, а, может быть, и больше. Я не считал. Было шумно и весело. Именинница не пожалела денег на своё торжество – ведь ей исполнилось тридцать. Выглядела она очень эффектно: светловолосая, в длинном ярком красном платье, с очаровательной улыбкой на лице. Я сразу увидел её, и вдруг

захотелось, чтобы этот праздник не кончался.

Во всяком случае, сегодня.

Окинув взглядом присутствующих, я невольно удивился тому, сколько влиятельных людей собралось здесь. Распорядитель зала проводил меня к длинному, щедро накрытому столу до места, обозначенного табличкой с моей фамилией. Вежливо поздоровавшись с соседями, я сел, отметив про себя щедрость угощений.

Никто не обращал на меня внимания, поэтому мне удалось спокойно подкрепиться. А праздник шёл своим чередом. Звучала живая музыка, с невысокой сцены хорошо поставленными голосами пел известный в городе дуэт, гости танцевали, произносили тосты в честь виновницы торжества.

Время от времени я поглядывал на свою начальницу, сидящую в алом вечернем наряде во главе стола. Досада за опоздание с примесью радости от того, что я всё-таки оказался в числе гостей, и ещё какой-то непонятной тоски от того, что сижу так далеко от именинницы, переполняли моё сердце. Охваченный всеми этими чувствами, я пил водку в одиночестве.

Странно, но с каждой опустошённой рюмкой настроение моё не улучшалось, а в голову стали приходиться всякие смелые мысли. Я всё чаще кидал взгляды на начало стола – удивительно хороша была сидящая там женщина! Я сочувствовал мужчинам, не встречавшим в своей жизни Веру Орлову:

рост 170, волосы светлые, глаза зелёные, талия 60, грудь 100. Мне, далеко не юнцу, с первого дня знакомства были по душе её женственность и сексапильность. Потом к этим качествам добавились деловитость и даже обязательная стервозность, без которой в наше время не состоятся женщины-руководители. Но в Орловой всё это гармонично сочеталось, выдавая свету яркую, незаурядную личность. Юные дарования мужского пола, обильно населяющие наш офис, никогда не пропускали жаждущими взглядами походку Орловой, если та шла по коридору. Я мог представить себе их трепет и желание, как мог представить и неспешное вождение зрелых ловеласов. Вера Сергеевна – яркая, очаровательная блондинка, как сейчас, – на службе она воспринималась не иначе, как строгий руководитель. А большинство мужчин до сорока очень заводит эта фраза – «строгая начальница». Фигура, причёска и очки на красивом лице Орловой лишь подчёркивают строгость и едва уловимую кокетливость, которые в купе образуют тот самый женский магнетизм, от которого постанывают рвущиеся с цепей общественной морали томящиеся мужские души, хозяева которых постоянно толкуются подле её кабинета. При взгляде в её сторону в глазах женщин до сорока вспыхивают завистливые рубиновые огоньки. Не знаю, что вспыхивает в моих глазах, но я почти сразу понял, в чём главная опасность Веры Сергеевны для мужчин: она скрыта в её взгляде, и именно поэтому последнее время при встрече я предусмотрительно старался отводить глаза от

её взора, но сегодня почему-то чувствовал себя очень решительным.

Постепенно ужин из банкетного зала переместился на большую открытую террасу ресторана, обставленную рядами живых цветов. Аромат свежей ночи, приглушённое освещение фонарей, плюс – разыгравшийся в крови алкоголь, от которого дамы в дорогих нарядах казались ещё красивее и сексуальнее с их загадочными в бледном фонарном свете лицами, с их сверкавшими в тусклом ночном освещении глазами и мягким смехом, сделали своё дело – подождав, когда вокруг поубавится число поклонников и, преодолев некоторое смущение, я подошёл к имениннице.

– Вы очаровательны! – выдохнул я, чувствуя, что все-таки волнуюсь, и протянул открытку-конверт с подарочным сертификатом известной косметической фирмы внутри. – Это вам, Вера Сергеевна. С Днём рождения!

– Спасибо! – улыбнулась хозяйка вечера и, приняв конверт, одарила меня взглядом, придающим её облику теплоту и нежность. – Как вам мероприятие, Виктор Иванович?

– Всё замечательно!.. – Я посмотрел на почти пустой бокал в её руке. «Красное вино – любимый напиток страстных, эмоциональных и азартных женщин, умело скрывающих огонь сексуальных желаний и эротических фантазий», – пришло в голову из недавно прочитанного о светских дамах в каком-то мужском журнале.

Со сцены зазвучала красивая медленная мелодия. Взгляд

хозяйки вечера стал загадочным, и мне почудилось, что качнувшиеся длинные ресницы спрятали от меня какую-то тайну. Этот взгляд взволновал меня ещё больше, сердце сбилось с ритма, захотелось самому спрятаться куда-нибудь от этих колдовских глаз, от этого чарующего голоса. Но я взял себя в руки и сказал спокойно:

– Всё просто прекрасно, Вера Сергеевна! Спасибо вам за это вечер! И за приглашение...

И вдруг предложил:

– Потанцуем?

Она не стала долго раздумывать, отложив конверт на сервировочный столик с бутылками шампанского и поставив туда же свой бокал, снова наградила меня улыбкой:

– Пожалуй!

Красивая медленная музыка... я обнял партнёршу за талию, и вдруг стало трудно дышать. Это был даже не танец... это был повод прикоснуться к ней. Мысленно проклиная себя за нерасторопность и трусость, я, наверное, весь светился от счастья, отдаваясь власти льющейся вокруг гармонии! В моих руках была красавица, мой идеал и тайная мечта всей мужской половины офиса, и я впервые за пять лет знакомства обнимал её! Несколько раз какие-то лица вырисовывались на первом плане, что-то говорили, шутили, подмигивая мне, но я не хотел узнавать их, целиком отдавшись магии танца и красоты. Конечно, уже завтра разговоры на работе пойдут своим чередом, но это будет потом. А сейчас рядом

была она! И я не хотел замечать никого – я танцевал с королевой! Именно с королевой. Сплетни обходили её стороной. За те пять лет, что она проработала в нашей фирме, ни один из мужчин-коллег не был допущен до её постели, – а пытались многие, даже директор! – но потерпели фиаско. Об этом знали все. Конечно, поначалу яркая незамужняя девушка, появившись в офисе, не могла не вызвать бурю кривотолков, и эта буря случилась. Но своим ровным отношением с мужчинами и безупречным поведением Вера Орлова очень скоро загасила ветра, дующие со стороны как мужской, так и женской половин, и волнения, обещавшие ураган, улеглись. Нет, она не была, что называется, равнодушна к мужчинам, всегда выглядела так, что в её сторону смотрели даже импотенты, принимала подарки, самым смелым разрешала приглашать себя в рестораны, но с кавалерами всегда держалась подчёркнуто ровно, как с друзьями, не более того. Будучи начальником отдела, она могла попить чаю с сотрудниками в обеденный перерыв, поговорить практически на любые темы, но никогда не поддерживала разговоры, бросающие тень на кого-либо из коллег. Могла участливо выслушать собеседника, и казалось, что не существует на свете человека более внимательного и понимающего, когда кому-нибудь требовалось участие. Никогда и никому она не отказывала в помощи. Есть такие женщины, – как сёстры милосердия, перед ними можно ничего не скрывать, даже самое больное и потаённое. И случалось так, что иногда и мужчины искали у неё

сочувствия. И находили его. Но она никогда не участвовала в интригах. Чужие тайны хранила лучше банковского сейфа. И люди к ней тянулись.

И вот сейчас эта очаровательная, умная женщина, вызывающая всеобщее восхищение, была так невозможно близка, что захватила власть над всем моим естеством и волей.

Я боялся посмотреть на неё. Находясь в какой-то ауре счастья, я только ощущал тепло её горячего тела и свой учащённый пульс, а также – как пол качается под ногами... и больше не чувствовал ничего.

Когда смолкла музыка и раздались аплодисменты, я растерялся – хлопали нам. Вера Сергеевна улыбнулась всем очаровательной улыбкой. А я даже не успел поблагодарить партнёршу за танец, подошёл генеральный директор фирмы – наш общий босс – и увёл именинницу прямо из моих рук.

Я почувствовал себя маленьким ребёнком, брошенным посреди людной улицы, у которого отняли любимую игрушку. Стало не по себе. Страшась поднять взгляд, я прошёл на своё место за столом, сел и налил в винный бокал водки. Выпил залпом, не ощутив вкуса. Потом услышал, как ведущий вечера объявил о перерыве в концертной программе, но глаз так и не поднял. Мне казалось, что все смеются надо мной – поделом ему! Так ему и надо! Паж посмел пригласить на танец королеву! Залез не в свои сани! Но ко мне никто не подходил, никто не смеялся, никто не пытался заговорить со мной.

Нельзя не согласиться с тем, что робость – не порок, но всё же эта барышня в силах значительно испортить жизнь своему обладателю, будь то мужчина или женщина, всё равно. Ведь застенчивость сопровождается замкнутостью, боязнию выражать публично свои эмоции, точку зрения, заводить новые знакомства, неуверенностью в себе. Отсюда возникает масса сложностей в общении с окружающими. Зависимость от чужого мнения тормозит развитие человека, его продвижение вперёд, к цели, негативно влияет на его отношения с людьми. Я понимал, что нужно срочно бороться с этим психологическим «недугом», но как это сделать сейчас – не знал. Тогда я подумал, что раз сегодня мы все живём в настолько равнодушном мире, где каждый думает только о себе и своих проблемах, и кроме злорадства – ни помощи, ни сочувствия от окружающих попросту не дождёшься, – на это способны, пожалуй, только родственники – то почему меня должно заботить чье-то мнение?

Посидев за столом в одиночестве несколько долгих минут и немного успокоившись, я поднял взгляд. Прекрасной хозяйки вечера нигде не было видно. Это было и к лучшему. Я глубоко вздохнул, прогоняя остатки внутреннего беспокойства и неуверенности.

Из террасы в зал и обратно парами и небольшими группами дефилировали гости. Кое-где женщины, так же, как я, скучали в одиночестве. Некоторые из них, откровенно лаская меня взглядами, как бы давали понять, что не прочь раз-

делить компанию и поскучать сегодня вместе. В другое время и при других обстоятельствах я обязательно ответил бы на какой-нибудь из этих призывов, но сейчас непонятное состояние овладело мной, – ощущение близости Веры Сергеевны всё ещё приятно и сладостно сжимало сердце и переполняло теплом грудь. А сердце пылало и билось.

Снова заиграла музыка и гости стали подтягиваться к площадке для танцев. Я искал глазами Веру, но не находил. А мне хотелось ещё раз увидеть её большие зелёные глаза, её улыбку.

Поймав мимолётный взгляд вошедшей в зал именинницы, я почувствовал, как лицо моё залилось юношеским румянцем. Щёки запылали так же, как сердце. Снова захотелось уединиться, уйти куда-нибудь, где никто не смог бы меня увидеть, – там бы я успокоил бешено стучащее сердце и собрался с мыслями. А виновница торжества в сопровождении директора прошла к своему месту за столом и больше не смотрела в мою сторону. И среди толпы и шумного веселья я вдруг почувствовал себя очень одиноким. Тут не было моих друзей, не было коллег из отдела, не было того человека, кто мог бы меня сейчас выслушать, понять и успокоить, и вообще – тут всем было не до меня. Тем более Орловой. Нет, не случилось ничего из ряда вон выходящего, всё шло как всегда, просто самая лучшая из женщин не хотела меня замечать. Наверное, в её глазах я оставался среднестатистическим сотрудником фирмы со среднестати-

стическим достатком и, значит, средними способностями. В глазах окружающих я всегда являлся середнячком, которого можно называть по фамилии. Почти все мужчины на празднике были по служебному и социальному статусу выше меня, а многие даже и моложе. Но почему же тогда на приглашительной открытке было написано рукой самой Орловой: «Гридневу Виктору Ивановичу»? Ведь она пригласила именно меня! Зачем?

Я смотрел на именинницу, пытаюсь отыскать ответ на мучивший меня вопрос, а она будто специально не замечала меня. Я слышал её смех, видел взгляд, которым она одаривала других, и чувствовал себя всё неуютнее.

Подумав о том, что пора покинуть это мероприятие, я всё ещё искал взглядом глаза Веры Сергеевны.

Черты лица этой женщины не отпускали взгляд. Наверное, их нельзя было назвать классически правильными, скорее милыми, но она была красива какой-то особенной, обворожительной женской красотой, каковая не остаётся незамеченной с первого мгновения. Её красота притягивала мужское внимание. Особенно, когда она улыбалась. Её большие выразительные глаза под стремительным изгибом бровей в сочетании с тонкими линиями лица и мраморнонежной кожей делали её похожей на воздушную нимфу или очаровательную сказочную фею, красоту которой должны воспевать лучшие поэты. Очки в тонкой оправе придавали её образу лёгкий налёт строгости милой учительницы. Она совсем не по-

ходила на светских красавиц с «заточенными под мужчин» уверенными взглядами и бросающимися в глаза яркими лицами под многослойным макияжем на тяжёлом искусственном загаре. Даже выпив несколько бокалов вина, она была очень естественной, и сейчас, глядя на неё, я получал настоящее наслаждение.

Недалеко от меня кто-то из гостей сказал своему соседу: «Именинница удивительно хороша!», а сосед ответил: «Вера Сергеевна у нас красавица!». Даже за глаза все звали её уважительно – Вера Сергеевна.

Да, сегодня она была обласкана всеобщим вниманием – красавица и хозяйка торжества. Очаровательная улыбка почти не сходила с её розово-алых губ, свежих, как утренний цветок в росе и, наверное, таких же нежных. Мне вдруг нестерпимо захотелось ощутить вкус этих губ на своих губах. Будто угадав ход моих мыслей, Вера Сергеевна посмотрела на меня, чуть задержав взгляд, и я понял, что не смогу уйти сейчас.

Зазвучала медленная мелодия, и я, приободрённый коротким взглядом зелёных глаз, встал, но не успел дойти до своей цели – Орлову пригласил на танец директор. Замешкавшись, я всё же решил не возвращаться за стол и посмотрел на одну из сидящих подруг именинницы. Интересная темноволосая женщина лет тридцати приняла моё приглашение. Мы вышли к сцене вслед за первой парой.

Встав так, чтобы видеть Веру Сергеевну, я стал медленно,

в такт музыке кружить свою даму и, стараясь быть тактичным, заговорил с ней:

– Мы не знакомы? Я встречал вас в офисе.

– Я всего пару месяцев работаю заместителем в бывшем отделе Веры Сергеевны. И я вас тоже видела, – ответила та.

– Давайте познакомимся, – предложил я и представился первым: – Виктор.

– А я Людмила, – партнёрша с интересом рассматривала меня.

Ростом она была чуть ниже Орловой, такая же стройная, но её свободно спадающие до талии прямые волосы имели тёмный цвет. «Все брюнетки кажутся вредными», – припомнилась недавно прочитанная в каком-то глянцево-м журнале шутка, и я мысленно ей улыбнулся.

Медленно кружась под музыку, я ощущал в руках тонкую талию спортсменки, уходящие куда-то вниз крепкие линии бёдер, но это меня не волновало. Я всё ещё чувствовал в своих ладонях тепло другой женщины, танцующей сейчас не со мной.

– А вы каким видом спорта увлекаетесь? – решил я проверить свою догадку и посчитав молчание неуместным.

– Гимнастика. До недавнего времени выступала за область, – просто и даже до удивления обыденно, как о само собой разумеющемся, сказала Людмила.

– И разряд имеете?

– Мастер спорта.

Следующий, не успевший прозвучать вопрос, повис у меня на языке – в этот момент лицо Орловой оказалось очень близко. Светлокудрая красавица улыбнулась одними уголками губ, а её колдовские глаза сверкнули в ярком освещении зала так, что я вздрогнул, будто обжёгся.

– Нравится вам Вера Сергеевна? – почувствовав мою реакцию, Людмила отстранилась и лукаво посмотрела мне в лицо. А я смутился, ожидая с её стороны насмешки. Но она сказала серьёзно:

– Вижу, что нравится. Мы с ней подруги.

– Нравится, – не стал скрывать я правды, всё ещё находясь под впечатлением от взгляда Орловой. – Очень. И уже давно.

– Так чего же вы теряетесь? Пригласите её танцевать и скажите ей всё.

– Да пытался, – отвечал я, освобождаясь от напряжения и радуясь, что нашлось наконец-то доброе сердце, которому можно открыться. – Не получается. Вокруг неё всегда крутятся столько ухажёров... да ещё наш директор!

– Смелее! – тоном заговорщика проговорила Людмила, видимо, скорая на решения так же, как и на действия. – Директор вам не конкурент – он человек семейный. Идите и не обращайтесь ни на кого внимания. Рискните! Женщины любят смелых мужчин.

– Рискнуть? – повторил я, озадаченный, вдруг ощутив какую-то особенную робость перед всеми женщинами на Земле.

– Ну да, рискните! Чего вам бояться? – Людмила начала тихо смеяться. По-видимому, её идея понравилась ей самой, а моя реакция рассмешила. Но можно ли доверять её словам? «Все брюнетки вредные!» – пришла в голову теперь уже серьёзная мысль.

Я внимательно посмотрел на танцующую с директором Орлову. Она не увидела этого моего взгляда. Я перевёл глаза на свою партнёршу. Да, обе подруги были примерно одних лет, но между тем неизмеримая разница улавливалась во всём. Спортсменка Людмила несомненно была хороша собой, но в красоте Орловой было что-то особенное: более нежное, более благородное, более сильное, выделяющее её из толпы просто красивых женщин. Есть такие лица, которые трудно забыть, увидев однажды. Вера Сергеевна была счастливой обладательницей именно такого лица. И фигуры – гибкой и стройной, с гордо посаженной головой на высокой шее, с красивой линией плеч, несколько тонкой в талии и очень женственной в бёдрах. Все её движения были ровными, плавными и даже какими-то важными, что, несомненно, свидетельствовало о её внутренней силе и уверенности. Но иногда, всего лишь на мгновение, какое-то робкое смирение проскальзывало в её взгляде или жесте, что-то трепещущее и незащищённое, но никого не просящее о защите. И я мог видеть и улавливать эту незащищённость, хоть она и была мне не понятна. Но мне казалось, что Вера Сергеевна понимает, что я улавливаю нюансы в её настроении. Или мне очень хо-

телось так думать?

Мне всё же удалось пригласить Орлову на следующий медленный танец. Я подошёл, попросил разрешения, она протянула руку, кокетливо блеснув глазами, и поднялась со своего места за столом. Так, рука в руке, мы с ней вышли к самой сцене. И с её стороны это совсем не было похоже на простой жест вежливости. Или мне тоже хотелось думать так?

В танце она послушно следовала моим движениям, позволив мне проявить активность. Я вёл. Она чутко слушалась, подстраиваясь под ритм. Я крепко держал её за талию, крепче, чем было необходимо, прижимая к себе, и ощущал всем телом рельеф её горячего упругого тела. Ростом она была чуть ниже меня, даже на каблуках, но смотрела в глаза прямо и смело, будто ждала каких-то дальнейших действий. А я терялся в догадках – каких? На служебной лестнице она стояла выше меня по должности, хотя в жизни вряд ли была опытнее в отношениях с противоположным полом, – но, возможно, что и опытнее, просто хорошо умела скрывать это. Я ничего не знал о её сердечных делах. Неопределённость такого обстоятельства лишь подстёгивала мой интерес. И я рискнул...

– Вы мне очень нравитесь, Вера Сергеевна, – мягко и тихо прошептали мои губы возле самого её миниатюрного ушка с бриллиантовой серёжкой. – Уже много лет. С первой нашей встречи. Тогда у лифта, помните?..

Она не ответила. Но и не сделала попытки вырваться из моих объятий. Это придало мне уверенности, и я озвучил то, что чувствовал:

– Никакое, даже самое лучшее вино не пьянит меня сегодня так, как всего лишь один ваш взгляд. Вы очень красивая, Вера... а ваши глаза... мне, кажется, я понимаю и чувствую вас, когда вы смотрите на меня.

– Вы очень самоуверенный и опасный человек! – произнесла Орлова почти серьёзно.

– Почему? – Я несколько не был удивлён. Так мне говорили многие женщины.

– Потому, что опасный.

– А всё-таки?

– Вы пытаетесь читать меня.

– Почему это вас пугает?

– А вы не допускаете ошибок в прочтении?..

Я крепче прижал её к себе:

– Я всё время думаю о вас! Все пять лет. А вы?

Она не ответила, лишь, чуть отстранившись, пытливо посмотрела мне в глаза, будто старалась понять – говорю ли я серьёзно? Я с трудом выдержал этот испытующий взгляд больших зелёных глаз, которые были сейчас очень-очень близко. Музыка смолкла. Мои руки освободили талию партнёрши, но я продолжал смотреть ей в глаза, держа её ладонь в своей. Она первая отвела взгляд и мягко высвободила руку.

– На нас смотрят. Проводите меня, – сказала она, не глядя

ни на кого, и направилась к своему месту за столом.

Мне пришлось подчиниться. Сделал я это без всякого удовольствия, потому что не хотел отпускать её сейчас, зная, что последует дальше.

Галантно придвинув Вере Сергеевне стул и кивнув головой внимательно наблюдающей за нами Людмиле, я отправился на своё место, чувствуя спиной всеобщее внимание к своей персоне. От этого было не по себе, но душа моя ликовала – я открылся женщине, которую боготворил!

Теперь Вера Сергеевна, разговаривая с соседями по столу, время от времени смотрела в мою сторону. Когда наши глаза встречались, по моей коже пробегали мурашки, а грудь наполняло приятное тепло. Нет, определённо я сходил с ума по этой женщине!

Я помнил до мелочей первую встречу с Орловой у нас в офисе пять лет назад. Тогда на лестнице у лифта я в упор рассматривал очаровательную незнакомку и думал о том, что её типаж из тех, что мне очень нравятся: яркая, ладно скроенная, с гордой осанкой, узкой талией – она произвела впечатление! Я сразу окрестил её Златовлаской по цвету её волос. Разменяв четвёртый десяток лет и познав отношения примерно со стольким же количеством женщин, помноженным на два, я мог сказать точно, что быть женщиной в наше время – большое искусство. Родиться женщиной – ещё не значит стать ею. В своей жизни я встречал лишь нескольких жен-

щин, которые с первого взгляда производили неизгладимое впечатление на мужчин, ничего особенного при этом не делая, от них просто «пахло» женщиной и всё... эта была из таких. Шестым чувством я ощутил, как незнакомка сквозь тончайшую оправу очков осветила всего меня мгновенным, как фотовспышка, взглядом, который тут же растаял в воздухе. И опустила ресницы. А мне показалось, что погас свет, будто зашло солнце и выключили все лампочки вокруг.

Я любовался молодой женщиной все те несколько коротких минут, пока кабинка лифта поднималась с первого на пятый этаж. Да, незнакомка была необыкновенной. Таких редко встретишь в толпе. Она выбивалась из общей массы не только своей выразительной внешностью, взглядом, пластикой движений, но и какой-то очень мощной аурой женственности, витающей вокруг неё. Может, конечно, не все это замечали. Но для меня всё было очевидным. Украдкой бросая короткие взгляды, я размышлял, почему ещё пять минут назад я даже не догадывался о существовании такой феи и не имел надежды на встречу с ней, и почему же так ко мне несправедлива жизнь? Интересно, как же тебя зовут, красавица? И по какому вопросу судьба привела тебя в наш офис?

Златовласка ответила на мой настойчивый интерес. Когда двери лифта открылись, её стройные ножки отработали всё на сто процентов: под перестук каблучков появилось сексуально-вызывающее виляние бёдер, притягивающая мужской взгляд походка с носка, когда от каблучка вверх по ноге про-

ходит жаркая чувственная волна, излучающая в окружающее пространство терпкие флюиды желания. Мужчины, уловив их, останавливаются на ходу, теряют ориентировку в пространстве и времени, забывают про жён, работу, обязанности и долги. Потому что мужчины любят секс и очень любят женщин, которые равнодушны к сексу.

Этот обворожительный изгиб её спины я запомнил на всю жизнь. Незнакомка с модной дамской сумочкой у локтя, тряхнув свободно спадающими ниже плеч волосами, не глядя по сторонам, уверенно направилась в сторону отдела кадров. Она двигалась мелкими шагами очень сексуально, слегка покачивая бёдрами, пятку одной ноги занося за носок другой. Обтянутые в меру короткой юбкой бёдра не отпускали моего внимания. Волнующая походка сводила с ума. Опытные обольстительницы знают, что сексапильность – это обещание. Обещать можно словами, взглядами, одеждой, жестами, походкой. Видимо, знакомка часто пользовалась этими отработанными приёмами, отлично зная, как без слов привлечь внимание мужчин. Условий не так уж много – всего два: во-первых, испытуемый объект или объекты должны находиться в зоне визуальной досягаемости, во-вторых, обольстительница должна быть готовой к встрече.

В данном случае к такой встрече оказался неготовым я. Победительница гордо шла по коридору, её каблучки отстукивали мягкий ритм, и в том же темпе мои горячие мечты

– одна ярче другой – вырываясь из подсознания, жгли мой мозг и сжигали всего меня изнутри. Проводив невозможную женщину глазами до самых дверей отдела кадров, я, озадаченный, почти на грани потери сознания направился в свой отдел, добрался до кулера, набрал полный пластиковый стаканчик воды и жадно припал пересохшими губами к живительной влаге. Одного стакана оказалось мало. Я делал большие торопливые глотки, а в моей голове продолжали отстукивать свой волнующий ритм острые каблучки Златовласки.

По жизни сопротивление женским чарам я считал делом бесполезным и, когда очередная симпатичная стройняшка многозначительно семафорила влюблёнными глазками, моё мужское эго волновалось и противиться не желало. Я, как человек порядочный, взаимно влюблялся в своих воздыхательниц и, пригласив на ужин в ресторан, проводил с очередной пассией ночь или неделю, иногда даже месяц, делая какой-нибудь подарок при расставании. На большее моих душевных сил не хватало. В остальном выручал опыт. Умение не быть в отношениях – это мастерство и ценный подарок для холостяка, работающего в дамском коллективе и не пренебрегающего женским обществом, – такое невероятно – сладостное ощущение свободы, пока не подошёл сезон старческих болезней. И я использовал данное природой время на все сто, чтобы наслаждаться жизнью. И у меня пока ещё это получалось.

Надо сказать, что ко времени знакомства со Златовлаской

я был уже достаточно утомлён приключениями, чтобы относиться серьёзно к связям с прелестницами и целенаправленно искать этих связей. Предложения на моём рынке превышали спрос и я, как говорится, читая меню, выбирал только сладкое и не вредящее здоровью. Но природа ещё требовала своё, поэтому моя тренированная фигура при росте в метр восемьдесят два была подтянутой, взгляд уверенным, шутки умными, а при встрече с женщинами лицо становилось добрым и с него почти не сходила тёплая улыбка.

Этими своими качествами я и попытался воспользоваться, поджидая незнакомку у лифта на пятом этаже несколько минут спустя. Со мной творилось что-то странное – я сам хотел снова встретиться с ней, но и побаивался этой встречи, ощущая внутреннюю неуверенность. Убедившись, что интересующая меня особа всё ещё находится в отделе кадров, я прочно занял пост у дверей лифта. Причём моя позиция была беспроблемной на сто процентов: слева лифт, за спиной лестница – другого пути, чтобы уйти с этого этажа, не было.

Златовласка появилась в коридоре минут через десять. Направившись в мою сторону и заметив меня, она убавила шаг, чуть изменилась в лице, потом её лицо приняло прежнее холодное выражение. Незнакомка подошла к лифту.

– Здравствуйте, ещё раз! – улыбнулся я и зачем-то глупо пошутил: – По-моему, мы с вами уже встречались сегодня?

Златовласка, спрятав надменную улыбку в краях губ, снисходительно посмотрела на меня своими зелёными гла-

зами и длинным красивым пальчиком с ярко накрашенным ногтем очень грациозно нажала кнопку вызова кабины лифта.

– Вам на какой этаж? – невинно поинтересовался я, чувствуя, как под её взглядом жалкие остатки моей уверенности в себе испаряются, словно деревенская лужа под палящим солнцем.

– Мне к вашему генеральному, – неожиданно вежливо произнесла Златовласка голосом, который показался мне чарующей музыкой. – Хотите проводить?

Снова этот снисходительный взгляд и улыбка! Моё «Я» разлетелось в разные стороны, разбившись вдребезги о лёд её надменности.

– Провожу, если скажете мне своё имя, – всё-таки нашёл-ся я. Выручил многолетний опыт.

– А если не скажу, не проводите?

– Провожу... – простонало в агонии моё холодеющее эго. Определённо, 10:0 – в этой партии вела Златовласка. Никогда ещё в жизни меня так не «переклинивало» с женщинами. Даже в неопытной прыщавой юности.

Мы вошли в открывшиеся двери наконец-то пришедшего на моё счастье спасительного лифта, и я нажал кнопку с цифрой «1».

– Вы к нам работать? – спросил я, потому что молчание выглядело ещё более глупым, чем моё присутствие в лифте, когда кабина поплыла наверх, и теперь с опасением ожидал

утвердительного ответа.

– Да. Трудоустраиваюсь... – в закрытом пространстве незнакомка почему-то не смотрела на меня, и от этого мне стало легче дышать.

– Замечательно! – Моё эго выходило из клинической смерти. – И кем вы у нас будете?

– Рабочей лошадкой...

Кабина лифта остановилась.

Незнакомка повернулась и в упор посмотрела мне в глаза:

– И я надеюсь, что у нас с вами сложатся нормальные рабочие отношения. И чтобы вы знали... и скажите остальным... я не нуждаюсь ни в чьих ухаживаниях. Особенно в ваших!

Пока она впрессовывала меня и размазывала по стенке лифта взглядом, двери медленно разошлись. Прямо перед нами была приёмная генерального директора. И я, скосив глаз, благодарил Бога, что в коридоре не оказалось случайных свидетелей моего унижения. Потом зачем-то я двинулся вслед за этой странной молодой женщиной.

Находясь под впечатлением от непонятного мне проявления агрессии, я не сразу покинул коридор и лишь через минуту отошёл от неплотно закрывшейся за Златовлаской двери в приёмную. Поэтому хорошо расслышал, как на вопрос секретарши: «Как о вас доложить?», последовал ответ: «Орлова Вера Сергеевна». Значит, Орлова... умная, красивая, злая и не нуждается ни в чьих ухаживаниях... и за что такая

нелюбовь лично ко мне? А может, ко всем мужчинам? И тут же я понял, что обречён «заболеть» этой женщиной.

А ведь долгие годы я жил с уверенностью, что любви нет! Есть симпатия, уважение, страсть, а никакой любви не существует. За любовь, – убеждал я себя, – принимают комплекс душевных переживаний, в основном невротического характера. Помешался – значит, влюбился, – это и есть формула любви. Но неожиданно и без моего желания на многие дни и месяцы образ зеленоглазой блондинки пленил мою волю и сознание, прокладывая в моей голове путь всё новым и новым ярким несбыточным мечтам! Встреча в лифте и минутный разговор с белокурой феей разбудили такое томление души и плоти, каких мне за свои тридцать пять несправедливо прожитых лет ещё не приходилось испытывать никогда.

Я стал читать умные книги по психологии, и они подтвердили мою догадку, что любовь мужчины – это не только интимный, но и духовный интерес к женщине. Наконец-то я встретил ту, которой заинтересовался по-настоящему.

Я постарался узнать о ней всё, что было возможно: узнал, что Орлова приезжая, что не замужем, узнал, что она назначена на должность начальника экономического отдела, что у неё хорошие «связи», и что её «рекомендовали» нашему генеральному «с самого верха». На службе я просто придерживался «нормальных рабочих отношений», лишь выбирая моменты для того, чтобы чаще видеть Златовласку. Но при встрече в длинных коридорах офиса или в столовой она от-

водила глаза, избегая моего взгляда, здороваясь с коллективом, никогда не отвечала на мои приветствия. Я даже подумал, что просто перестал для неё существовать с момента нашей злополучной встречи в лифте.

На корпоративном праздновании Нового года я попытался пригласить её на танец, но Орлова, отказав мне, пошла танцевать с другим. Я не привык к подобному явному игнорированию своей персоны особью женского пола и решил добиваться её, но следующего шанса у меня не оказалось – вокруг Златовласки весь вечер крутились кавалеры и начальники разных мастей.

Не сумев придумать ничего нового, чтобы привлечь внимание высокомерной начальницы, в офисе я старался чаще попадаться ей на глаза, открывал перед ней входную дверь, после приветствия говорил какой-нибудь комплимент, но всё напрасно – для Орловой я оставался пустым местом.

Однажды я засиделся за проверкой квартального отчёта, поэтому пришёл на обед в нашу офисную столовую уже к закрытию. В большом обеденном зале не было ни души, одиноко стояли пустые столики. У раздаточного прилавка я увидел Веру Сергеевну Орлову с подносом в руках. Она выбирала блюда с витрины. Я тоже взял поднос, тихо подошёл и встал у неё за спиной.

– Я буду за вами? – спросил я после вежливого «здравствуйте», хотя вопрос был явно излишним.

Орлова кинула на меня быстрый взгляд, чуть повернув го-

лову, холодно поздоровалась и тут же будто забыла про меня. А меня тянуло к ней, словно большой магнит скрывался где-то у неё внутри. Эту очень сильную тягу я ощутил ещё при первой встрече. А сейчас вдруг захотелось побыть рядом, просто стоять возле этой красивой женщины и говорить, говорить... просто говорить с ней, лишь бы видеть её лицо, улыбку, слышать её голос.

– Знаете, – робко начал я, – а я по вам даже скучаю.

– Надо же! – Орлова резко развернулась ко мне с лукавым выражением на лице. – Красиво врёте. Это не обязательно.

– Почему вру? – я растерялся, чуть не задохнувшись от мысли, что она мне не верит. – Совсем не вру...

– Вот кто бы подумал! Знаю, что вы всем так говорите, Гриднев. И вообще, не подходите ко мне без дела и не пытайтесь флиртовать! Соблюдайте, пожалуйста, дистанцию!

Она меня грубо отшила. Вежливо, но очень грубо. Тогда я окончательно уяснил для себя, что этот орешек мне не по зубам и, почти смирившись, стал собирать её фотографии: скачивал из Интернета, копировал с телефонов коллег и знакомых, выменивал у сотрудников офиса. Я продолжал встречать её в коридорах и на этажах, специально приходил на работу раньше, чтобы увидеть, как она заходит в подъезд – я хотел выбросить её из головы, но думал о ней каждую свободную минуту. Я даже дал себе слово больше никогда не пытаться заговорить первым – слишком много жизненных преград стояло между нами. Одна из них – неравное положение.

ние на служебной лестнице. Другая – значительная разница в возрасте. Но самая главная – у меня серьёзно болела мать.

К моменту моей встречи со Златовлаской мама уже больше года лежала без движения, прикованная к постели после инсульта. Мы жили вдвоём – беда пришла в нашу семью через тринадцать лет после моего развода с женой. Мама не могла двигаться, у неё действовала только правая рука. Но её мозг оставался на удивление ясным, как и речь. Нам нужны были деньги на врачей, на лекарства, на сиделку, поэтому мне приходилось много работать. Кроме должности клерка в плановом отделе фирмы я подрабатывал тем, что десяток лет состоял в Союзе российских писателей и сочинял романы под псевдонимом «Константин Иванов». Мои книги печатались и издавались и в России, и за рубежом. Но всё равно денег катастрофически не хватало. С начала болезни мамы у меня всё меньше оставалось времени на занятие литературой. Днём я сидел за рабочим столом в офисе над экономическими и административными выкладками, а поздно вечером и урывками в выходные дни писал прозу за домашним компьютером. Я сочинял детективы, а хотелось написать что-нибудь стоящее... о любви. Почему о любви? Видимо, её отсутствие в последние годы и сама жизнь подвели меня к той черте, за которой мужчину ожидают депрессия и беспробудное пьянство. Нужна была отдушина – праздник для души, какая-нибудь яркая женщина, которой я мог бы увлечься по-настоящему. Увлечься серьёзно. И судьба мне

её послала... правда, с большими оговорками.

На работе о моём хобби и о моей личной жизни не знал никто. Или почти никто, кроме двух закадычных друзей – Кольки Недружного и Мишки Дергунова. Дружили мы с первого курса института, поэтому тайн друг от друга у нас не было.

После первого знакомства у лифта с Орловой Верой Сергеевной прошли пять долгих лет. За это время я не преуспел ни в чём: ни в карьере, ни в отношениях с этой женщиной. Но каждая новая встреча с ней рождала в моей душе такой небывалый подъём позитивных эмоций, что на работе я мог бы свернуть горы, а вечером шёл домой радостный и умиротворённый: день прошёл не зря – я видел её! Но, когда открывалась дверь квартиры, яркие ощущения стирались, приобретая серые оттенки, и мой цветной перевёрнутый мир снова принимал своё реальное положение. В спальне лежала беспомощная мама, и мне нужно было проводить сиделку, дав ей денег, накормить маму ужином и поговорить с ней о том, что сегодня делается в мире и у меня на работе, затем умыться маму и уложить её спать. В ванной ждала стирка, на кухне уборка. На то, чтобы посидеть у компьютера над новым произведением, оставалось не более двух часов. Уже давно я привык к тому, что раньше часа ночи лечь спать мне не удавалось. Будильник ставился на шесть утра. И как-то получалось даже выспаться. Наверное, я привык к такому

графику.

Перед сном, когда я уже лежал в кровати, приходили думы о Вере Орловой и о жизни. До болезни мамы я встречался с разными девушками. Иногда даже с несколькими сразу, «собирая» из них образ одной идеальной, которую безрезультатно искал много лет. Конечно, я не ждал от таких встреч ничего серьёзного. После развода с женой внутреннее одиночество постепенно перешло в профессиональную привычку. Видимо, я серьёзно «подженился» на своей работе писателя, и теперь вряд ли мог расстаться с холостяцкой жизнью. С годами я понял, что идеала женщины не существует. Если только в книжках... И я стал создавать свой идеал там. Художественная проза – это волшебство, что производится всего из тридцати трёх букв и десятка знаков препинания, но стоит очень многого. Ведь когда ты как автор, один, используя своё воображение, создаёшь миры, населяя их героями – мужчинами, женщинами – и смотришь вокруг их глазами, ты живёшь чужими интересными жизнями. Многими жизнями. Ты начинаешь видеть вещи, посещать места, о которых не узнал бы никогда, переживая при этом конкретные эмоции и испытывая реальные ощущения опасности, влюблённости и даже счастья. Читая написанное, ты видишь и чувствуешь, как соприкасаются твои миры – внешний и внутренний, и понимаешь, что внешний мир – это тоже ты. И ты становишься кем-то другим. А когда возвращаешься в свой настоящий реальный мир, чувствуешь, как что-то в тебе немного

изменилось, и тебе хочется сделать мир вокруг себя лучше. Так происходит потому, что литература открывает нам другие измерения. Она ведёт туда, где ты ещё никогда не был. И никто до тебя там ещё не был. И однажды наступает момент, когда, посетив другие миры, ты больше не можешь быть полностью доволен миром, в котором родился и вырос... и понимаешь, что надо что-то менять к лучшему.

Я верил, что своим творчеством приношу пользу людям. И продолжал писать.

Однажды мне на глаза попала статья в иностранном журнале о том, как чтение снимает стресс. Я знал, что появившееся в научном обиходе в 1936 году слово «стресс» в переводе с английского означает «напряжение» – ответ организма на воздействие каких-либо внешних экстремальных факторов, который вызывает выброс адреналина, и организм человека мгновенно мобилизуется для борьбы с врагом или бегства от него. Но мы не первобытные люди, и не так часто решаем свои проблемы с помощью физической силы. Вот и бродят по нашей крови не нашедшие применения гормоны, не давая нервной системе возможности расслабиться. Увы, избежать стресса невозможно, но можно попытаться его преодолеть.

И вот британские учёные из Университета Сассекса на основе опытов с добровольцами определили, что прослушивание спокойной музыки снижает уровень стресса на 61 %, чашка чая или кофе – на 54 %, прогулка – на 42 %, видеоиг-

ры – только на 21 %. Лучше всего снижает уровень стресса чтение – на 68 %, причём для нормализации пульса и расслабления мышц достаточно молча почитать в течение всего шести минут! Автор исследования, Дэвид Льюис, писал в журнале, что неважно, какую книгу человек будет читать, главное – полностью погрузиться в сферу авторского воображения, сопереживая чужим проблемам и, тем самым, отвлекаясь от своих.

А если книга оказалась хорошей? Представьте – в сложной ситуации, в неприятном месте кто-то предложил бы вам временный уход в лучшее измерение... неужели вы его не приняли бы? Именно такова суть работы писателя – открывать перед читателем дверь в мир, где светит ласковое солнце, гуляет тёплый ветерок, зеленеет трава, где живут герои, которые любят и понимают тебя, с которыми хочется быть вместе. И я почему-то знал, что там и только там живёт моя идеальная, моя единственная женщина.

Так я считал довольно долго. Но в реальной жизни появилась Вера Орлова – и стала моей героиней, моей необходимостью. И, борясь с самим собой, я думал о ней и искал с ней встреч, избегал её и понимал, что нам нужно поговорить. Обязательно нужно поговорить. Но на работе ведение подобных разговоров исключалось. А куда я мог пригласить Веру, кроме ресторана? Да и пойдёт ли она со мной? И чем я её там удивлю? Я всё откладывал разговор, не надеясь ни на что.

Время шло. Через два года Орлову назначили заместителем генерального директора, и она, став моим прямым начальником, оказалась для меня ещё недостижимее. Я устал мучиться, устал думать о ней, устал ждать по утрам её прихода в офис, устал от себя, от своих мыслей, от своих несбыточных надежд. Я почти возненавидел эту женщину. До неё всё было понятно и размеренно: дом, работа, дом, врачи, мама – всё ясно и одинаково. И тут появляется она, и моя устоявшаяся жизнь рушится, как уходящий под откос поезд. А всё потому, что в цепочку рутинных событий вклинился яркий образ Златовласки. Не скрою, тексты романов у меня стали получаться более чувственными, жизненными, острыми. Это отметили даже редакторы. Но почему я позабыл о некоторых своих привычках и почему меня теперь тошнит от моей прошлой жизни? Из-за Златовласки? Если так, то дело очень плохо. Много раз я пытался выбросить образ недостижимой красавицы из головы, но, когда не встречал её по утрам, не мог спокойно работать. Если я не видел её несколько дней, все эти дни не было покоя в моей душе. Хотя, после знакомства с этой женщиной, покоя не было все эти годы.

Как много времени прошло с того мгновения, когда я в первый раз увидел Веру Орлову у лифта, до этого волшебного вечера, когда смог пригласить её на танец и ощутить её так близко... но не в мою пользу складывались обстоятельства...

Я оторвался от своих мыслей, заметив, как именинницу снова пригласил на танец генеральный директор. «Пользуешься своим служебным положением, шеф!» – пронеслась в моей голове злая мысль, рождая такую неприязнь к начальству, какую я ещё не испытывал никогда.

Иногда во мне – кабинетном черве загоралось неистовое желание сильных чувств и эмоций, острых ощущений, злость на тусклую, нормированную и стерилизованную жизнь, дикая потребность разнести что-нибудь на куски, – офис, например, или себя самого, совершить какую-нибудь сумасшедшую глупость, дать по башке генеральному директору, совратить его наглуую секретаршу, пнуть под зад неповоротливого начальника правового отдела, часами пропадающего на перекурах и перетирающего там свежие офисные сплетни, или свернуть шею несколькими нудным проверяющим из министерства. Ведь именно такой образ жизни, который вёл весь наш офис, я ненавидел – это сытое довольство в кресле какого-нибудь, пусть не большого, но начальника, это равнодушие к тем, кто ниже рангом, а к более успешным – зависть, сплетни и интриги; кумовство и процветание всего серого и посредственного. Впрочем, так обстояло дело во всей стране. И я чувствовал, как это наше офисное гнилое болото с годами всё глубже засасывает меня, и понимал, что скоро совсем не буду иметь сил, чтобы сопротивляться. И вот сейчас, глядя на то, как руки директора обнимают талию

Веры Орловой, я чувствовал, как в моей груди снова разгорается погасшая было бунтарская искорка.

А Вера, медленно кружась под музыку, подарила мне улыбку, и я постарался успокоиться – она помнит обо мне! Стараясь выглядеть достойно, я стал смотреть по сторонам ничего не выражающим взглядом. Но моё внимание вскоре вернулось к имениннице. Вера Сергеевна выгодно выделялась среди гостей, мне нравилось на неё смотреть, и я с налётом смелого нахальства в глазах стал воображать, что скрывает её вечерний наряд. Под обтягивающей материей длинного красного платья угадывалась форма высокой груди, подтянутого упругого живота, грациозной талии, женственного овала бёдер и стройных сильных ног. Я любовался ей, и внутри меня горел огонь – я хотел эту женщину! Я испытывал к ней мощнейшую тягу! Я желал её всю – и сильную, и слабую, с улыбкой и слезами, строгую и послушную, с эмоциями и капризами, которые выполнял бы с огромным удовольствием! Я хотел чувствовать её, понимать, быть с ней. И знал, что хочу невозможного.

Директор перехватил мой откровенный взор, и я вдруг ощутил, как от моей головы отхлынула волна той бесшабашной удали, что захватила меня несколько минут назад. Мои смелые мысли вновь потеряли свободу. Как хмурое утро после разгульной пьяной ночи, пришло тяжкое отрезвление с осознанием, что я смешон в своём нахальстве, в своих чувствах и желании обладать той, которая не предназначена для

меня.

Под гипнотизирующим взглядом директора я поднялся из-за стола. Ушёл по-английски, не попрощавшись ни с кем.

Когда ехал домой в такси, думал о несправедливости жизни и проклинал себя за то, что поддался искушению и пошёл на этот вечер. Как страшно любить женщину и быть бедным! Что должен делать человек, не получающий того, что хочет? Или когда всё в жизни идёт не так? Сопrotивляться? Бороться? Принимать? Или разом покончить со всем? Я не знал, что мне нужно делать!

Дома, уложив маму спать, я как обычно сел за рабочий стол и включил компьютер. Но сегодня строчки не ложились на электронный лист. Я сидел и вглядывался в изображение на мониторе, то приближая, то уменьшая его. Время шло, а я всё смотрел на фотографию молодой красивой женщины. Я не искал ответа на вопрос, почему мне так хочется смотреть на эти глаза, на эти губы, на её улыбку. Смотрел и всё. Сегодня был день её рождения. На вечере она выглядела счастливой и, казалось, была рада моему приходу. Но кто я для неё? И какой подарок, кроме скромной суммы денег, я мог бы сделать ей?

Неожиданно возникшая в голове смелая мысль заставила войти в Интернет. Набрав имя и фамилию Орловой, я увидел её фотографию на страницах сайта «Одноклассники». В данную минуту она на своей странице принимала поздравления с Днём рождения. Наскоро поместив первую попавшую на

глаза фотографию какого-то «мэна» из Интернета и представившись именем «Алексей», я написал: «Жизнь перевернула ещё один лист в книге Судеб. Не стоит печалиться, возможно, на следующей странице написано слово «СЧАСТЬЕ». С Днём рождения, Вера!».

Прочитав написанное, я с трепетом в груди отправил послание на адрес Орловой.

Она ответила почти сразу: «Спасибо. Мне очень приятно».

Испытав чувство восторга, я тут же написал: «Нашёл вас на страницах Интернета. Вы очень похожи на девушку, которую я любил когда-то давно. Давайте дружить?».

Она не заставила долго ждать: «Общаясь со мной, вы будете думать, что говорите с ней. А это как употреблять суррогат!!! Я – не она!»

Что ж, понятно до простоты. Появившаяся надежда на хотя бы малую откровенность с её стороны придала мне уверенности. Для начала и это было не плохо.

Чуть подумав, я написал: «Вы, конечно же, правы. Но я не болен ею. Так, ностальгия. И я не всегда такой скучный.

Давайте станем друзьями хотя бы по переписке, и обещаю ещё приятно удивить вас».

Она ответила через час, когда стрелки на часах показывали начало первого ночи: «Давайте».

Отправив запрос на «дружбу» по адресу Орловой, я закрыл Интернет. Мне очень хотелось верить, что хоть на шаг,

но я смогу таким образом приблизиться к Вере Сергеевне, – возможно, что-то узнаю о ней самой, о её личной жизни, возможно, пусть хоть в письмах, но мы сможем подружиться. И тогда я признаюсь ей во всём. И она поймёт. Должна понять.

Ночью я долго не мог заснуть, терзаемый борьбой эмоций, чувств и разума. Образ Веры, её глаза стояли передо мной, укоряя за поспешное бегство из ресторана.

Да, я сдался. Не струсил, нет... сдался. Но я никого не предавал. Только себя. И свои мечты...

И я лгал себе – я ведь догадывался, почему оказался на Дне рождения Орловой. Очень ясно в памяти всплыло происшествие из прошлой осени. Наша встреча была случайной. В субботу последней недели октября меня пригласил в гости Колька Подружный. Его жена с детьми уехала на выходные к теще, и Николай собрал троих друзей, чтобы посмотреть по телевизору футбол и попить пивка в приятной компании. Пиво принёс я, второй наш кореш – Мишка Дергунов – обеспечил стол вяленой рыбой. Колька предоставил помещение и всё остальное. Учитывая стеснённое положение со временем и с деньгами, я в последнее время редко позволял себе подобные вылазки. Но как не посидеть хоть иногда с хорошими друзьями и с пивом перед телевизором?

Вечером, когда сумерки накрывали город, я, уже будучи, конечно, навеселе, но не более того, возвращался домой. Стоя на тротуаре и пытаюсь поймать такси, я увидел, как на

другой стороне улицы в проходной арке дома двое крепких молодых мужчин грубо пристают к женщине. В другой ситуации я подумал бы о том, что спешу домой и вообще – не стоит связываться с подонками в тёмной подворотне, но сейчас мой мозг находился в лёгком алкогольном подпитии, а с детства я рос драчуном и не отпускал обидчиков просто так, тем более, когда дело касалось чести женщины. Легко перемахнув через невысокую ограду, я перебежал дорогу и без предупреждения одним ударом в голову уложил на землю первого негодяя. Второй, оттолкнув свою жертву, развернулся ко мне всем телом. Я увидел, что передо мной крепкий кавказец. Соперник был на голову выше меня, заметно крупнее и уж наверняка сильнее физически. Вместо того чтобы отскочить подальше и не дать ему достать меня, я остановился как вкопанный, позабыв об опасности – в испуганной женщине я узнал Веру Сергеевну Орлову. Я стоял и смотрел на неё, не веря своим глазам.

Кавказец быстро оправился от неожиданности и нанёс сильный удар в лицо. Мощный кулак прошёл по щеке и скуле вскользь, я среагировал поздно и, хотя всё-таки успел увидеть удар, чтобы чуть отвести голову, но всё-таки отлетел к стене дома с засверкавшими звёздочками в глазах. Понимая, что лежать нельзя, я, ещё не совсем придя в себя, вскочил на ноги и перебежал за спину противника. Пока кавказец разворачивался, я успел нанести серию хлёстких ударов в голову. Побагровевшее лицо противника приобрело зверское

выражение. Его мощные кулаки рассекали воздух. Я быстро двигался по неровному асфальту, стараясь не пропустить ни один удар, иначе не миновать бы перелома челюсти или сотрясения мозга. Шаг влево, шаг вправо, нырок под его руку и мои резкие хлёсткие удары, удары... я следовал известному правилу боксёров, уступающих в весе противнику, – порхать, как бабочка, жалить, как оса. В какой-то миг я оказался прижатым спиной к стене и, не видя другого выхода, врезал сопернику ногой по коленной чашечке. Это был очень эффективный приём в любой драке, позволяющий лишить врага главного козыря – подвижности. Кавказец взвыл и навалился на меня всем телом. Я ожидал, что сейчас последует его страшный удар. Но в юности мне часто приходилось участвовать в уличных драках. Я резко вмазал противнику в пах коленом и навстречу его по-бычьей опущенной голове послал мощный крюк снизу кулаком правой руки, вложив в него всю силу плеча. Казалось, арка содрогнулась от падения грузного тела.

В этот момент поднялся с земли другой противник. Не раздумывая, я нанёс ему удар локтем прямо в голову, снова сбив с ног. Не теряя ни секунды, подскочил к пытающемуся подняться на ноги крепкому кавказцу и пнул ногой в лицо. Противник, издав короткий стон, перевернулся и тяжело упал на спину. Вся моя ярость была нацелена на него – этого здоровенного подонка, и я собирался добить его.

– Не надо, – это сказала Орлова, до сих пор молча наблю-

давшая за происходящим. Она слегка коснулась моего локтя и, глядя прямо в глаза, чуть слышно повторила: – Не надо. Пойдём отсюда.

Мы прошли два квартала и оказались в каком-то кафе. Только здесь я смог окончательно успокоиться и прийти в себя.

Пряча сбитые в кровь кулаки, я смотрел на женщину, сидящую за столиком напротив, и пытался улыбаться. А она смотрела на меня так, словно пыталась что-то прочесть в моих глазах. Точнее, будто видела меня впервые. Потом глубоко вдохнула, и по её лицу пробежала тёплая улыбка:

– Добрый вечер, Виктор Иванович. Какой вы!..

– Здравствуйте, Вера... Сергеевна. Какой же?

– Драчун. Не испугались двоих. Я никогда не видела, чтобы так дрались... жестоко... но спасибо вам... – и, сменив тон на более мягкий, произнесла, намекая на свежий синяк на лице: – Как вы? Не очень больно?

– Нормально... до свадьбы заживёт, – сказал и запнулся. На меня с благодарностью смотрела не бизнес-стерва, которую все в офисе привыкли видеть каждое утро, не строгая и требовательная начальница – просто красивая русская женщина. И в её взгляде было столько теплоты, что я готов был для неё пойти на любой подвиг. Нас разделял только небольшой стол. И если бы я захотел, то мог бы коснуться руки Веры Сергеевны. И я очень хотел этого. Но не решался.

– Кофе вам заказать? – спросили добрые зелёные глаза.

Её взгляд был осязаем. Всё это вместе – кафе, мирно болтающие посетители, звук её голоса – производили на меня такое впечатление, будто я оказался в каком-то нереально-несчастливом параллельном мире.

– С вами всё в порядке? – теперь её глаза смотрели встrebовжено. – Почему вы молчите, Виктор Иванович?

– Кофе? – вспомнил я. – Можно кофе...

Её рука лежала так близко...

Вера Сергеевна подозвала официанта и заказала два кофе.

Потом мы просто сидели и смотрели друг на друга. Мой боевой пыл уже сошёл, уступив место приятной расслабленности мышц после сильного физического напряжения с гуляющим в крови адреналином. Если бы не саднящая боль под левым глазом, постоянно напоминающая о себе, да совсем свежие воспоминания о драке, оставшиеся на кулаках, вечер можно было бы назвать томным. Но всё равно для меня всё складывалось удачно.

– Вы, наверное, занимались единоборствами? – спросила Орлова.

– Был такой грех в молодости, – признался я. Рядом с такой женщиной мне было приятно чувствовать себя сильным мужчиной. – А как вы оказались в этом районе, Вера Сергеевна?

– Я теперь живу здесь в одной из новых высоток. Решила сегодня поехать в гости к подруге и вот... – она замолчала, подыскивая подходящее слово для случившегося. А я, по-

думав, что неплохо бы поменять тему разговора, а заодно и узнать адрес своей музы, поинтересовался:

– Квартиру купили?

– Да. В предпоследнем доме. На двенадцатом этаже. Взяла кредит и купила. Надоело на съёмной жить. А вы как здесь оказались?

– Выходит, что мой друг Колька Подружный – ваш сосед. Он рядом проживает. Только в крайнем доме. Сегодня мы с Мишкой Дергуновым были у него в гостях – у Кольки жена к маме уехала. Пива попили, футбол посмотрели.

– Давно дружите? – почему-то мне показалось, что и моя спутница задаёт вопросы не из праздного любопытства.

– С института... уже давно.

– Вы жестокий? – неожиданно спросила Вера Сергеевна.

– Жестокий? – удивился я. – Нет. Скорее, азартный... – я с сожалением кинул взгляд на часы на руке: давно нужно было быть дома – у маминой сиделки свои дела и своя семья.

– Вас кто-то ждёт? – Орлова напряглась – видимо, неправильно истолковав моё беспокойство. В её глазах появился настороженный вопрос.

Края её расстёгнутой куртки разошлись, и моему взору предстала кофточка с довольно откровенным вырезом на груди. Я с трудом сглотнул слюну и быстро отвёл взор, поймав себя на том, что так по-мальчишески смотреть на женщину в мои годы несолидно, и почувствовал давно забытое смущение и одновременно удовольствие от вида её ладной

фигуры. Расставаться совсем не хотелось.

– Да, обещал быть дома... там мама... волнуется... – протянул я, думая о своём. – Сейчас перезвоню и постараюсь всё решить.

Я достал мобильный телефон и набрал номер сиделки. Гарантировав двойную почасовую оплату и выслушав её недовольное ворчание, я убрал телефон и посмотрел на Орлову.

– Ну, вот. Пара часов у нас точно есть. Надеюсь, вы никуда не спешите.

– Нет. Мои родители далеко...

Потом мы пили кофе и ели мороженное. Хотя за два часа так и не успели поговорить о главном, ничего нового не узнав друг о друге. Я так и не решался начать очень важный для меня разговор, как и не решался дотронуться до её руки, убеждая себя каждую секунду – вот сейчас, сейчас я обязательно скажу ей о своих чувствах.

Около десяти вечера Вера Сергеевна сделала звонок по мобильному, сказав в трубку тихо:

– Ты где? – ...и назвала адрес кафе.

Наверное, это был он – её мужчина. Вот и окончилась сказка. Мои яркие желания стали терять свой напор. Всё, как в последних главах лирического романа: лёгкость и весёлость уступили место грусти, и герой переместился в мир печали, несбывшихся иллюзий и ностальгических воспоминаний. Героиня ушла к другому. Занавес!..

И всё равно, когда мы выходили из кафе, и вечерний город

принимал нас в свои объятия, а Вера Сергеевна взяла меня под руку, глупая счастливая улыбка застыла на моём лице – рядом со мной шла одна из красивейших женщин нашего города. Я был очень счастливым человеком! Самым счастливым в этом городе! В этой стране!

За рулём подъехавшего джипа с крутыми номерами я ожидал увидеть солидного мужчину, но водителем оказалась женщина бальзаковского возраста. Я не успел её толком рассмотреть, простившись с Орловой у края тротуара.

– До понедельника! – улыбнулась Вера Сергеевна своей милой улыбкой, коснувшись моей руки и мягко пожав мне пальцы.

– До понедельника... Вера... Сергеевна... – глупая улыбка будто приклеилась к моему лицу.

Я стоял и умиротворённо смотрел вслед, пока огни джипа не скрылись за поворотом. Потом, ощущая во всём теле необыкновенный физический подъём, а в душе эмоциональную окрылённость, я отправился домой. Завтрашний день казался радостным и лучезарным.

Разумный человек оглянулся бы, сложил два плюс два и сделал правильные выводы насчёт ошибочности ожиданий, но почему-то в жизни у большинства влюблённых мужчин чаще получается иначе. Наверное, нам как в детстве хочется верить в чудеса.

Прикрывая фингал под глазом букетом роз, ранним утром

в понедельник я спешил на работу. В приёмной заместителя генерального директора никого не оказалось, кроме уборщицы бабы Маши, запричитавшей в голос на мой яркий синяк. Я дал пожилой женщине бумажку достоинством в сто рублей и попросил поставить букет в вазу с водой прямо на стол Орловой.

– Только, пожалуйста, не надо никому ни о чём говорить, – попросил я бабу Машу.

– Сделаю, как надо, – понимающе улыбнулась женщина в чистеньком синем техническом халате. – Иди, работай спокойно, герой!

Герой? Всё время пребывания в приёмной я очень боялся, что кто-то войдёт и увидит меня. Например, секретарша. Ещё бы – затеять такую авантюру! За Верой Сергеевной ухаживают «перцы» куда покруче нашего генерального директора! Но всё обошлось. И я, не замеченный никем, спокойно спустился на этаж ниже.

В отделе сотрудники стали приставать с расспросами – откуда такая яркая печать под глазом? Все знали, что я спиртным не злоупотребляю. Пришлось рассказать историю про спасённую на улице женщину, благоразумно опустив имена и подробности. Очень скоро интерес к этой истории, не имеющей продолжения из моих уст, угас, и все в отделе занялись своими прямыми обязанностями.

Я же сидел, как на иголках, ожидая вызова в приёмную или телефонного звонка. И ближе к обеду этот звонок раз-

дался.

– Извините, Виктор Иванович, – произнесла Орлова в трубку своим низким, волнующим голосом, – я сегодня задержалась. Вошла в кабинет, а восхитительные розы смотрят на меня! Спасибо. Это так трогательно...

– Я рад, что они вам понравились. Как вы себя чувствуете после субботы? – я специально не называл Орлову по имени, понимая, что сейчас к нашему разговору прислушивается весь отдел.

– Всё хорошо. Спасибо вам за тот вечер. А про цветы... – В трубке возникла пауза. – Скажите, зачем вы это сделали? Впрочем, я догадываюсь. Хочу вас попросить... больше не делайте этого. Поймите меня и не обижайтесь, пожалуйста.

– Ну, почему?..

– Не нужно и всё! – Орлова положила трубку.

Чувства – как «валентинка», сделанная своими руками ко Дню всех влюблённых, – ты очень гордишься ею и бережёшь, а потом даришь человеку, которого она, как ты считаешь, сделает немножечко счастливым. Но бывает, что ты хранишь «валентинку» долго, очень долго, так и не решаясь подарить той, что лучше всех на свете. Думаешь, – она не нужна ей. Так и случаются ошибки, которые бывает трудно исправить потом.

Во взрослой жизни я почти не писал женщинам стихов. Баловался этим когда-то очень давно – ещё в юности. Теперь

всё больше с клавиатуры моего компьютера выходила лирическая, но всё-таки проза. Но вечером того понедельника само собой получилось стихотворение.

Я встречаю тебя очень редко
и напрасных не требую встреч,
Вера, Вера – кокетка-конфетка,
яркий фантик – ни съесть, ни сберечь.
Очень трудно казаться спокойным,
улыбаться при встрече с тобой.
По каким-то случайным законам
ты не стала моею судьбой.

Расстояния людей разделяют.
Нас с тобой разделяют года.
Пусть ты рядом, но я понимаю —
мы не станем близки никогда.
Поздно встретил тебя, очень поздно...
ты пригубишь бокал не со мной,
И с другими посмотришь на звёзды.
Ну, а я... Я всё спорю с судьбой.

Понимаю – встречаться не надо, —
смысла нет ни тебе и ни мне,
Стать нам ближе мешают преграды
разнопрожитых лет, даже дней.
Снова встреча... короткая встреча,
но так много меняет она:
Вдруг становится ласковым вечер,

звёздной ночь и желанной луна.

А душе и тревожно и больно —
образ твой и блаженство, и боль.
Вера, Вера... ну, хватит... довольно!..
Но нет сил, чтоб расстаться с тобой.
И играем, как взрослые дети:
взгляд ловлю – ты глаза отвела,
Каждым утром спешу снова встретить...
Неужели ты не поняла?

Мы с тобой очень долго знакомы,
только врозь всё – друзья и дела,
И тепло отдаёшь ты другому...
но глаза говорят – поняла...
Ты, конечно, другого достойна.
Я тебя не прошу ни о чём.
Помолюсь, чтоб жила ты спокойно,
в этом мире грубом и злом.

Я понимал, что не смогу показать это стихотворение ей...
вообще никому не смогу показать, даже друзьям, и часто перечитывал его, находясь в одиночестве.

Больше от Веры Сергеевны не было телефонных звонков.
А я не мог найти повода, чтобы подняться в приёмную Орловой без вызова. Как не мог в тот наш единственный вечер в кафе прикоснуться к её такой желанной руке.

Но однажды утром, до начала рабочего времени, я всё-

таки вошёл в открытую дверь кабинета Орловой и, сильно волнуясь, положил листок с написанным стихотворением на её стол. Я волновался, потому что перед этим не спал всю ночь, потому что не знал, правильно ли поступаю? Ещё потому, что на другой стороне листа было написано короткое письмо, где я обращался к Вере Сергеевне так же, как в своих мечтах – на «ты»: «Я тебя не выбирал, но так случилось – ты стала моей Музой. Знаешь, между мужчиной и женщиной не обязательно должна стоять постель. Я не буду помогать тебе. Мне достаточно тебя видеть. Или слышать голос... прошу о встрече. Посидим где-нибудь в кафе, хочешь, в другом районе, за городом... а хочешь, поедem в другой город. Только лишь об одной встрече прошу тебя... Всё будет так, как захочешь ты. Ответь. Если нет – не могу обещать, что перестану смотреть на тебя. Но постараюсь делать это так, чтобы ты меня не видела. Впрочем, я так делаю каждое утро уже почти пять долгих лет. В. Гриднев».

Уборщица баба Маша гремела ведром в комнате отдыха Орловой, поэтому я вышел из кабинета незамеченным.

Ещё несколько дней по утрам я поджидал Веру Сергеевну у входа в офис, стараясь попасться на глаза. Но она будто не видела меня. Или делала вид, что не видит. А я мучился в догадках – прочитала ли она моё письмо? Если прочитала, почему молчит, почему избегает даже взгляда? Или я обидел её этим?

Потом я перестал приходить на работу раньше. И перестал встречать Орлову по утрам. Мне было сложно заставить себя поступать так, ведь она нужна была мне, как воздух. Но, как умудрённый жизненным опытом и книжной мудростью мужчина, я понимал, что допустил оплошность, – женщина не должна знать твоего настоящего отношения к ней, по крайней мере, женщина, которая действительно нужна тебе. Ведь это знание можно использовать как оружие, порождающее обратный эффект. Я понял, что ошибся, когда это правило сработало против меня. Тогда я решил какое-то время постараться прожить без воздуха, иногда всё-таки делая несколько судорожных вдохов, чтобы не умереть совсем – по вечерам я заходил в компьютер, открывал папку с инициалами «В. О.» и перелистывал её фотографии снова и снова.

Однажды вечером, уходя из отдела последним, я распечатал все фото Орловой на чёрно-белом принтере. Получилось неплохо – интересная девушка со страниц журнала далёких 60-х. Сложив листы с изображением Веры в один прозрачный файл, я убрал его глубоко в ящик стола под ключ.

Следующим утром, заняв своё рабочее место, я достал эти чёрно-белые снимки. С них красивая женщина смотрела на меня, как тогда в кафе – по-доброму тепло...

С тех пор каждое моё утро на работе начиналось с чёрно-белых фотографий Златовласки.

А история с уличной дракой вскоре забылась, будто и не было вовсе ни её, ни кафе, ни тёплого взгляда. Вернее, я так

думал, что Орлова забыла обо всём. Но почти через шесть месяцев прямо среди рабочего дня в отдел вошла секретарша директора и положила на мой рабочий стол приглашение на празднование Дня рождения...

...И вот теперь, вернувшись из ресторана, лёжа на диване в своей комнате, я с сожалением думал о том, что Вере Орловой только тридцать лет. А мне уже сорок. Кто она, а кто я? Однозначно, я ей не нужен. Как объяснить то, что произошло сегодня между нами на празднике? Наверное, начальница решила развлечься. Успешная женщина может себе такое позволить. А мне-то зачем это всё? Поздно участвовать в интеллектуально – эротических играх, тем более, когда позиция заранее проигрышна.

Не спалось. Я поднялся, открыл дверь в спальню и, убедившись в ровном дыхании мамы, вышел на балкон. Ночная прохлада не успокоила нервы. Я вернулся в свою комнату и снова лёг на диван. Включил телевизор. Потом выключил. Зажёг настольную лампу, стоявшую на прикроватной тумбочке. Потянулся за лежащей там же книгой, перелистал страницы и с досадой положил обратно. Выключил лампу. Сон не шёл.

Я встал, тихо прошёл на кухню, открыл холодильник, достал начатую бутылку коньяка, примерившись, налил половину стакана и стал пить мелкими глотками.

Почувствовав, как в тело и голову вместе с приятным теплом приходят покой и расслабление, я подумал, что нужно

просто избегать встреч с Орловой.

Когда-то давно, ещё в юности, интересуясь тайнами познания мира, я прочитал в одной из книг, что если хочешь понять женщину, загляни в её глаза. И если ты ей небезразличен, они ответят на все вопросы, расскажут всё, что скрыто от других, как скрыта зелёная трава за холодным снежным покрывалом. О женщине можно многое узнать по её жестам, мимике, тембру голоса, походке, причёске, одежде, цвету волос, но глаза – это зеркало её души. И самая главная составляющая красоты женщины. По жизненному опыту я знал, что нужно внимательнее всмотреться в женские глаза и можно получить ответы на интересующие вопросы.

На праздновании Дня рождения Орловой я смотрел в её глаза. И увидел, что она открылась мне. Так чего же я испугался? Тщетности борьбы за ту, которая никогда не будет мне принадлежать? Пусть так. Но в чём тогда состоит смысл жизни мужчины, если не в борьбе за женщину? Может, кто-то скажет, что смысл жизни мужчины в достижении успеха в делах, в карьере, в достатке... а ради кого и для чего это всё? Чтобы добиться самой лучшей женщины! Той, которой ты очень хочешь обладать.

Когда Вера Сергеевна танцевала с директором, и тот перехватил мой взгляд, я каждой клеточкой своего мозга ясно осознал, что Виктор Гриднев не супермен и никогда им не был. Мне ли тягаться с сильными мира сего? Кто я в этой

жизни – лишь простой клерк-неудачник, писатель средней руки, каких много, доходы которого не позволяют и близко подходить к таким женщинам, как Орлова. Да, когда-то я мечтал ухватить судьбу за хвост. Выбрал престижный институт, хотел сделать карьеру. Но был слишком молод, ещё не знал жизни и не умел любить. Имел интерес к женщинам скорее биологический, чем душевный. Взгляд неопытного юноши выхватывал только те части женского тела, что волновали плоть, а надо было видеть женщину в целом. И не удивительно, что я ошибся. Рано, прямо перед выпуском, женился на фигуристке и однокурснице по институту Иринке Воскресовой. Послушался её уговоров и не поехал работать в Сибирь на перспективную стройку, остался в городе с её мамой и с их спортом. Когда страсть к жене остыла, а любовь не родилась, оказалось, что у нас с супругой очень разные интересы, а наши души не очень-то дополняют друг друга. Детей Господь нам тоже не дал. Разошлись тихо, прожив вместе, благодаря усилиям тёщи, пять лет, за эти годы окончательно перестав понимать друг друга и в итоге не сохранив даже дружеских отношений.

Как сказал кто-то из мудрецов, развод – это потеря духовной невинности. Потеряв эту невинность, я окунулся с головой во все тяжкие на целых восемь лет и стал считать себя закоренелым холостяком. Возможно, я бы и дальше вёл далеко не аскетический образ существования, если бы не случившийся с мамой инсульт! Я испугался и... остановился. И

поменял всё: распрощался с шумными холостяцкими компаниями, перестал посещать рестораны и ночные клубы, стал ходить в церковь, надеясь на чудо, и ждал этого чуда, правда, не особо веря в него. Болезнь мамы оказалась очень тяжёлой, без надежды на выздоровление.

Но я всё-таки надеялся, ведь всякое случается в жизни человека. Иногда случаются и чудеса. Видимо, в ещё большее наказание за прошлые грехи, я встретил женщину, которая пробудила мою душу ото сна. Душа проснулась в сказке, но сказка оказалась маленькой золотой клеткой в большой уютной комнате без солнечного света. И выхода ни из клетки, ни из этой комнаты я не видел.

После дня рождения Веры Орловой прошло длинное пасмурное воскресенье, и в понедельник утром на работе я не удержался и вошёл в Интернет. Убедившись, что меня добавили в «друзья», на странице Орловой прочитал: «УРА! Я ЕДУ ДОМОЙ!» и понял, что сегодня она уезжает в краткосрочный отпуск. Испытав непонятное чувство тоски, я написал: «Хотел пообщаться с вами. Хорошей дороги, Вера!».

Целых две недели мой почтовый ящик оставался пустым. Я знал день, когда Вера Сергеевна вернулась с отдыха, видел её в офисе. Меня подмывало пообщаться с ней хотя бы в Интернете. Испытав своё терпение, которого хватило только на три дня, я отправил ей послание:

«Овен – знак огня, и этим уже много сказано. Стоит лишь

раз столкнуться с людьми, рожденными под знаком овна, и вы почувствуете их силу. Овен – человек действия, которому покровительствует планета Марс. Вы, наверное, начальник? Здравствуйте, Вера. Как отдохнули?»

«Здравствуйте, Алексей», – коротко ответила она. И всё. Видимо, было не до меня.

«Думаю, что за время вашего молчания я многое про вас понял», – написал я и закрыл Интернет.

Вечером увидел на своей страничке сообщение: «Вы угадали, я не большой, но начальник. Вас это пугает? Однако даже женщина-начальник бывает просто женщиной. А женщины иногда хотят быть слабыми и непредсказуемыми».

«Очень откровенно», – подумал я и написал: «Хотят быть слабыми... Нашёл в Интернете информацию... уверен, что это про вас – слишком много совпадений. К моему уважению примите ещё и искреннее восхищение! Где и когда вы бываете слабой, Вера? (родители не в счёт). Очень хотелось бы в это поверить. Скорее всего, работа вам приносит радости и удовлетворения больше, чем любой мужчина. Такие женщины носят на золотой цепочке крестик, но церковь посещают редко. О Боге вспоминают лишь в крайних случаях. Если не копят на машину или квартиру, ездят отрываться за границу. А там новые приключения! Когда же вам быть слабой? Я не прав?»

Она ответила: «Алексей, напишу откровенно: терпеть не могу, когда люди пытаются показать, что они знают и пони-

мают что-либо обо мне! Рядом с сильным мужчиной любая женщина хочет быть слабой! И если кому-то везёт на такого друга, то рядом с ним женщина может позволить себе быть такой, какой она хочет... Вы удивляете меня своей уверенностью, что поняли мою натуру. Не знаю, чего вы больше хотите – похвалить меня или показать, какой вы всепонимающий!!!?»

Раздумывая недолго, я написал: «Гордая... По-вашему, это одна из составляющих женской силы? Да понял я вас! Хотите казаться сильнее, хотя в душе вы не такая. А я сторонник утверждения, что сила женщины – в её слабости. Вы правы, в жизни у меня всё в порядке. Даже в полном. То, что один... Вы ведь тоже одна, и мы не относим это к неудачам. Общения и друзей нам хватает. Так что вы снова правы, я отношу себя к категории сильных и понимающих. Напишите что-нибудь о себе».

Пришёл короткий ответ: «А кто вам сказал, что я одна?» Я прокололся. Нужно было срочно исправлять свою ошибку. «Простите, Вера, значит, я чего-то действительно не понял. Подумал, что нашёл родственную душу. Значит, вся моя теория летит к чёртовой бабушке! Рад за вас. Искренне желаю вам быть счастливой! Примите в подарок улыбку». «Мышкой» на мониторе я подвёл стрелку под значок улыбки и нажал клавишу «Подарить». Затем выключил компьютер и прошёл на кухню. Общение с Орловой по Интернету ничего не дало ни по факту получения информации,

ни по факту самого общения. Ничего, кроме волнения и лёгкого раздражения. Она не шла на контакт. Стоя у окна с бокалом в руке, я ощущал разливающееся по организму успокаивающее тепло и думал о том, что коньяк по вечерам стал входить в привычку, наверное, пора завязывать с хандрой.

На следующий день на работе я открыл свою страничку в «Одноклассниках». Мой подарок был возвращён мне обратно. Неожиданно. Усмехнувшись, я написал: «Отказались от улыбки... у вас комплекс невесты, девушка. Лет так через шесть мы смогли бы разговаривать на равных, а сейчас вам нужно замуж, срочно нужен ребёнок – это женский инстинкт. Кстати, по поводу «я не одна»... Вам не просто найти человека, понимающего вас. Даже имея мужа, детей – можно оставаться одинокой. Не желаю вам такой судьбы, Вера. Вы достойны понимания. А ваше упрямство – упрямство ребёнка. Мне было бы забавно, если бы не было так грустно. Могу понять вашу реакцию – Интернет не лучшее место для знакомства. Хотя, знаете, нет никаких особых мест, где можно познакомиться с хорошим человеком. И те, кто счастлив в семье, и те, кто мучается от одиночества, живут рядом и ходят по одним коридорам и улицам. Жаль, не могу вас сейчас увидеть, посмотреть в глаза, услышать голос», – я лгал безбожно. Всё это я мог, стоило только подняться этажом выше. Но вместо этого я аннулировал свою страничку в «Одноклассниках». Не хватало ещё стать врагами с Орловой в

Интернете! Вот был бы номер! А этот опыт позже мной будет отнесён в графу «неудачных». Ну, что ж, на ошибках учатся.

Можете верить, можете – нет, но существуют женщины-ведьмы, которые роковым образом входят в жизнь мужчин. Они буквально околдовывают их. И мужчины, как мотыльки на свет лампы, стремятся к таким ведьмочкам, несмотря на то, что там им отмеряй короткий век. Вот и я чувствовал себя подобным мотыльком. Что-то было такое в этой женщине, что я не мог не думать о ней. И уж точно – внешность Веры Орловой играла здесь не главную роль. Бывает, что красавица с идеальными чертами лица отталкивает от себя холодностью и такой безнадежностью, что мужчины больше одного раза не бросают взгляд в её сторону. Настоящий секрет женской красоты и очаровательности скрывается в женской сексуальности. Она мощнее и основательнее, чем красивое лицо и стройная фигура. Её нельзя заполучить только с помощью косметики, эротического белья и модных тряпок. Должно быть что-то внутри – аура, душа, тот самый «запах» женщины... в Орловой всё это было. Наверное, она не выглядела внешне идеальной, если судить по строгим современным канонам мира моды и красоты, но обладала тем обаянием, что и создаёт образ, покоряющий и пленяющий сердца мужчин. Для меня она была самой красивой. А всем известно, что красивая женщина – та, на которую хочется смотреть.

Как-то на глаза мне попала одна очень занимательная статья. В ней говорилось об опытах, поставленных американскими психологами. И вот эти психологи выяснили, что беседа с красивой женщиной – настоящее испытание для мужчины. Согласно их исследованию, пятиминутный разговор по силе воздействия на нервную систему мужчины равен настоящему стрессу. Количество адреналина, которое выбрасывается в кровь особи сильного пола в беседе с красивой женщиной, равнозначно выбросу адреналина во время прыжка с парашютом. Присутствие молодой симпатичной самки в области досягаемости побуждает мужчину к галантности и ухаживаниям, что и вызывает это самое повышение уровня адреналина в крови. Самым любопытным в этом исследовании был вывод, что мужчины, которые находятся в длительных отношениях с красивыми женщинами, становятся хронически предрасположенными к нервному стрессу. И я решил немного побережь свою нервную систему – не встречаться с Орловой и не писать ей.

За окнами мягкими шагами ступал апрель. Каждый день, приходя на работу вовремя и сидя безвылазно весь день в кабинете, я держал данное себе слово, несмотря на то, что мне очень хотелось увидеть Веру Сергеевну. Наша встреча произошла независимо от моего желания.

В один из дней второй половины апреля директор собрал весь коллектив управления для подведения итогов работы за

первый квартал текущего года. Все сотрудники спустились в большой зал для конференций на первый этаж.

Выйдя из лифта на площадке первого этажа, я увидел Орлову. Она тоже посмотрела на меня. И её взгляд показался мне тёплым. Я отвёл глаза, помня о том, что нужно избегать встреч с этой женщиной. Но в толпе сотрудников офиса нам пришлось идти рядом.

Пока мы с Верой Сергеевной шли по длинному коридору до входа в конференц-зал, я молчал, подыскивая нужные слова хотя бы для элементарного приветствия, но почему-то не находил их. Присутствие этой женщины сильно смущало. Я оправдывал свою растерянность тем, что если заговорю сейчас, на нас обратят внимание. Снова пойдут разговоры, что Гриднев подбивает клинья под начальство. А нужны Орловой подобные сплетни?

Войдя в зал, я лишь коротким взглядом проводил Веру Сергеевну и направился к свободному месту.

Тема собрания меня лично затрагивала мало, и я расслабленно сидел в кресле в самом дальнем углу зала. В окна косо заглядывали солнечные лучи, обещая скорое тепло лета, и мои мысли упорно грелись в этих лучах, заставляя активнее стучать сердце в осязаемом предчувствии возможного счастья, которое всегда приходит с весной.

Думая о своём, я перевёл взгляд на сидящую в первых рядах Орлову. Мне нравилась её новая причёска, прямые плечи под открытым платьем, тонкие изящные руки, – всё

это вызывало в душе приятное тревожное томление, которое разбавляло тоску одинокого мужчины по своей невстреченной женщине. Вздохнув, я взглянул на выступающего с трибуны директора – и мои мысли стали входить в рабочее русло.

Но всё равно что-то изменилось – пробила Вера Орлова стену моей глухой защиты. Я снова и снова смотрел на её причёску, плечи, руки и не хотел отводить взгляда...

В еле продвигающейся очереди на выход из зала, уже почти у самой двери, я услышал за спиной голос:

– Виктор Иванович, подождите!..

Повернулся и увидел её глаза... то, чего я так опасался, произошло.

О чём сейчас мне сказали эти глаза? О силе уверенной в себе женщины, о красоте её души, а может... робкое смирение всего лишь на мгновение проскользнуло в её взгляде, что-то трепещущее и очень волнующее, как ожидание весны, прочиталось в них.

– Привет! – и лёгкое прикосновение к плечу, от которого по всему телу пробежали мурашки.

– Привет, – я остановился и расплылся я в глупой улыбке, забыв принять невозмутимый вид...

После работы я поджидал Орлову в парке, недалеко от офисного здания нашей конторы. Об этом мы договорились еще днем после заседания, не успев толком переговорить

больше ни о чём. И вот теперь такая возможность представилась нам обоим.

Было по-весеннему тепло. Ранние сумерки плавно перетекали в ночь. В окнах жилых домов то тут, то там загорались электрические лампочки. Фонари на улице открывали свои неоновые глаза, сея блёклый свет в медленно сгущающуюся темноту. Машины замигали включенными огнями фар, и город стал меняться.

Я не знал, с чего начать разговор, и шёл молча. На меня это было совсем не похоже. До знакомства с Орловой я с трудом мог представить, что буду испытывать психологические трудности при общении с женщиной, если учесть, что раньше никогда не был замечен в особом стеснении. Молчала и Вера.

Мы никуда не торопились. Огни ночного города постепенно преображали знакомые дома и улицы в красивые фантастические пейзажи.

– Куда идём? – наконец, спросил я.

– Просто гуляем, – легко бросила Вера Сергеевна, подавшись немного вперёд и продемонстрировав свои упругие бёдра, обтянутые узкими брюками под короткой модной курточкой. – А вы пишете красивые стихи! И в письме у вас неплохой слог... – Она явно играла со мной, как кошка с мышкой, понимая свою власть и своё превосходство.

– А почему же вы не ответили на моё письмо?

– А знаете, я пыталась. Пыталась подобрать слова. Но все

они показались скучными и неправильными. В жизни люди пользуются тысячами слов. Большая часть – ненужные и пустые... а о скольких словах приходится потом сожалеть? Но ведь так устроен мир.

– Вы правы, иногда слова мешают людям понимать друг друга. Так устроен мир.

Мы не спеша брели по улицам. Позади остался рабочий день с его каждодневной суматохой и одними и теми же лицами сотрудников офиса. Рядом со мной шла Вера Сергеевна, и я старался не думать о том, что ждёт нас в ближайшем будущем. Мы говорили о литературе, о работе и о всяких пустяках. Я шутил, Вера Сергеевна красиво смеялась, а я ловил каждую её смешинку, каждый её взгляд и понимал, что они сейчас так нужны мне... словно капли живительной влаги путнику, погибающему в пустыне от жажды.

– А вы в курсе, как меня за глаза называют в офисе? – неожиданно спросила она.

Конечно, я был в курсе. И ответил не раздумывая:

– Златовлаской.

– Это вы дали мне такое прозвище?

– А оно не нравится вам? По-моему, очень подходит.

– Нравится. Только мой родной цвет волос – тёмный. Когда-нибудь я снова стану брюнеткой. Как тогда вы назовёте меня?

– Королевой.

– Почему королевой?

– По сказке. Златовласка должна стать королевой.

– Значит, мне понадобится король?

– Никак не меньше!

– А где же его взять?

– Где пожелаете. В Интернете, например!

– В Интернете? – перестав смеяться, как-то грустно произнесла Орлова и повторила: – В Интернете... знаете, что удивительно – в нашем мире, перегруженном гигатоннами информации, человек становится всё более одиноким, закрывается в своём маленьком мирке, как моллюск в раковине.

– Напротив, с появлением социальных сетей в Интернете люди стали думать, что их жизнь кому-то интересна, а они сами кому-то нужны. – Мне не хотелось слышать её грусти, хотелось видеть улыбку.

– Очередная иллюзия человечества... ни один компьютер не заменит живого человеческого общения глаза в глаза, человеческого тепла. А в Интернете люди обожают ставить диагнозы и выносить приговоры друг другу, – хлебом не корми, дай написать осуждающий комментарий. Это же так просто и не страшно совсем! Сказал человеку, в чём он, по твоему мнению, не прав, да ещё и приписал ему то, о чём он даже не думал – и ничего больше делать не нужно.

– Но там встречаются и приличные собеседники. И вполне успешные «мены»...

– Встречаются. Но всё больше пустоголовых. Дегради-

рует, что ли, общество? Да разве можно «смайликами» и «СМС-ками» выразить настоящие чувства? У людей уже не хватает времени, чтобы узнавать что-то ценное, очень нужное. Они не читают книг, покупают продукты готовыми в магазинах, пользуются одноразовой посудой. И сами становятся какими-то одноразовыми. Но ведь нет таких магазинов, где бы торговали умом, дружбой, душевным теплом.

– Вы правы. Раньше информация представляла великую ценность, и те, кто обладали ею, пользовались заслуженным уважением и властью. В последние годы мир информационно перенасытился. Теперь каждые два дня человеческая цивилизация создаёт и переносит столько информации, сколько было передано с момента начала отсчёта времени нашей цивилизации от рождества Христова до 2003 года. Это что-то около пяти экзабайтов в день, – если вы, Вера Сергеевна, верите цифрам, опубликованным в том же Интернете. Сейчас перед человеком стоит задача, как бы не утонуть в бездонном море информации.

Наш разговор постепенно перешёл на предназначение человека на Земле. Мы затронули тему счастья. Вера Сергеевна стала очень серьёзной.

– Я знаю, что счастливыми бывают те, кто умеет быть счастливым, – сказала она.

– Объясните, – попросил я. Мне очень хотелось знать её точку зрения.

– Человек счастлив, когда не задаёт вопросов о степени

своего счастья, не пытается докопаться до истины, а просто живёт в гармонии с собой и окружающим миром. Когда же возникают всевозможные «а вдруг», «если бы», «может быть», то окружающий мир сужается до потери личной свободы, и человек загоняет себя этими «если» в какой-нибудь дальний угол, становясь рабом обстоятельств и всяческих условностей, и шансы выбраться из него в нашем информационно перенасыщенном пространстве очень ничтожны. А жизнь день за днём проносится мимо, не давая никому из нас ни одного шанса прожить вчерашний день заново. В сущности, мы ничего не знаем даже о тех, кто живёт рядом, работает вместе с нами. Вы согласны со мной, Виктор Иванович?..

Вера Сергеевна, как настоящая интеллектуалка, была полна «замурённости», недосказанности и загадок. Говорят, что недосказанность украшает женщин больше, чем дорогие платья. Орлова умела пользоваться этим приёмом. И всё же самой большой тайной для меня оставалась её душа с её желаниями. Я помнил первую нашу встречу и на уровне подсознания опасался этой женщины, как опасаются пловцы неизвестности океанской бездны, в которой легко пропасть. Но, несмотря на это, меня тянуло к ней, как мотылька. Её образ, словно огонёк далёкой свечи, горел в холодной ночи моего существования, не давая заблудиться мыслям и желаниям. И мне нужен был этот ясный огонёк, пусть даже он спалил бы меня, подойди я слишком близко.

– Согласен с вами, – сказал я, – с той лишь поправкой, что

человек – разумный человек – должен всё-таки взвешивать свои решения прежде, чем принимать их. Иногда эти самые «если» и нужны. Это особенно касается отношений мужчины и женщины. Серьёзных отношений.

– А мне кажется, что любые отношения, начинающиеся с вопроса «А что, если?..», делают человека не уверенным в себе. Чем больше думать о том, как будут развиваться события и как посмотрят на это другие, тем меньше времени останется на то, чтобы просто жить и просто любить...

Находясь в постоянных сомнениях и в борьбе с собой, человек становится завистливым и унылым, а эти качества человеческой души мешают достижению цели.

– Осторожность ещё никому никогда не мешала.

– И это говорите вы, который, не раздумывая, кинулся защищать женщину на улице?

– Я был пьян! – Мой ответ вызвал на лице Орловой улыбку.

– А вы совсем не такой, каким хотите казаться. Интересно, почему?

– Да обыкновенный... и, наверное, кажусь вам скучным?

– Ничуть. С вами интересно.

– Спасибо, – я не смог скрыть благодарной улыбки. – Мне приятно слышать это от вас.

– А что? Ведь наши мысли материализуются! Чем позитивнее человек, тем больше у него шансов стать успешным или просто счастливым. А когда дела идут хорошо, тогда и

настроение бывает хорошим. Ведь так?

– Так. Но случается и довольно часто, что-то не ладится, и тогда всё кажется сложным.

– И как вы боретесь с этим?

– Да никак не борюсь. Жду, когда само пройдёт. – Почему-то мне не хотелось развивать эту тему.

– Нет, – Вера Сергеевна говорила увлечённо, со знанием дела, – в такие моменты очень важно суметь заставить себя думать о чём-то приятном: например, вспомнить какой-то удачный день, какое-то хорошее событие. Это может быть любая мелочь. Или вот-вот должно случиться какое-то потрясающее событие! Например, премия или долгожданный отпуск, или важная встреча. Нужно уметь переключать своё внимание на хорошее...

Она не представляла, как близка мне эта истина.

– Например, пойти на свидание с самой красивой женщиной офиса?.. – подсказал я.

Орлова отнеслась к этим моим словам слишком серьёзно.

– У нас с вами не свидание, Виктор Иванович!

– А что?

Она задумалась на несколько секунд.

– Вы в дружбу мужчины и женщины верите? – Вера Сергеевна смотрела на меня, и в её глазах читался неподдельный интерес. И тогда я ответил честно:

– Нет. Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной, если оба здоровы и полны сил. То есть дружба, конечно, име-

ет право быть, если в ней кто-то получает больше, чем отдаёт.

– Объясните, – она продолжала внимательно смотреть мне в глаза.

– Что может в отношениях отдать женщине мужчина? Всё. Даже свою жизнь. Что может отдать женщина в дружбе с мужчиной? Всё, кроме нежности, ласки, сексуальности. Настоящая дружба – не просто знакомство, а дружба – как раз и измеряется тем, что способен дать человек другому человеку, чем способен пожертвовать ради другого. И со временем в отношениях между мужчиной и женщиной дружба становится полумерой и уже не удовлетворяет обоих. Она переходит в любовь. Или в секс. Может, вы не согласны со мной, Вера Сергеевна? – На самом деле мне очень хотелось, чтобы Орлова поняла то, что я сказал сейчас между строк. И по её взгляду показалось, что она поняла.

– Не согласна. В простое понятие «дружба» каждый вкладывает свой смысл. Любые отношения между людьми – это взаимный энергетический обмен. Порой мы не можем объяснить себе, почему одни люди нас притягивают, и мы хотим общаться с ними, а другие без видимой причины отталкивают. В дружбе люди дополняют или восполняют то, в чём каждый из них нуждается. Например, для друга я могу сделать многое, не «взвешивая» с тем, что получу от него. Мне приятно, когда мои старания приносят желаемый результат. Но необходимо встречное, искреннее желание быть полез-

ным и для меня. Ведь и я могу в чём-то нуждаться. Иначе разрушится баланс отношений – один начнёт использовать другого, бесцеремонно высасывать его жизненную энергию, требуя всё время увеличения «дозы». Если я назову человека другом – значит, я ему доверяю себя! Вот вы ведь не каждому можете доверить своё самое сокровенное: мысли, тайны, желания?

– Так же, как и вы, Вера Сергеевна... постарался глубже заглянуть в её красивые глаза и, словно испугавшись этого моего порыва, она отвела взгляд.

– В древнеиндийском трактате «Ветки персика» сказано: «Потребности души рождают дружбу, потребности ума – уважение, потребности тела – желание», – сказала она и снова внимательно посмотрела на меня. – Все три потребности вместе рождают любовь.

– Мудрость древних... – мечтательно произнёс я. – Любовь... Дружба... Чаще всего привязанность мы и именуем такими возвышенными понятиями.

– Нет. Не согласна с вами. Конечно, привязанность является важной частью человеческих отношений, но не имеет ничего общего с дружбой или любовью. Когда людей просто тянет друг к другу или когда люди зависимы друг от друга материально, финансово или социально – это привязанность. Один человек может удерживать другого детьми, материальным благополучием или возможностью социального и профессионального роста. Ты хочешь удержать человека

рядом с собой, решая свои насущные проблемы, боишься его потерять лишь потому, что тебе с ним удобно или выгодно – это привязанность. Но она, на мой взгляд, со временем может перейти в привычку. И дружба тоже. А любовь привычкой стать не может. Никогда. Она просто умрёт.

– Сдаюсь! Первый тайм за вами, Вера Сергеевна! – я демонстративно склонил голову, сложив руки в знак смирения и уважения крестом на груди. – Но всё-таки, что вы скажете по поводу известного изречения Оноре де Бальзака, что никто не становится другом женщины, если может быть её любовником?

– Жаль, что Бальзак так плохо знал женщин. Если говорить о мужчинах, к сожалению, они всё чаще останавливают свой выбор только на сексе. Я предпочитаю поддерживать сторону женщин. Мы ищем ту самую любовь. Хотя в отношениях с мужчиной мне бы больше понравилось сочетание «любовник-друг», – Вера Сергеевна лукаво улыбнулась. – Следуя восточной мудрости, прибавьте к таким отношениям уважение – и получите что? – те самые гармоничные отношения, что ищет женщина.

– А ведь какой разной бывает эта самая любовь: взаимной и безответной, любовь-радость, любовь-страдание. Всем по-разному. Но чаще всё-таки мучение.

– Бывает и так. Но женщинам душевные страдания приносит не любовь, а разочарование в отношениях с женщиной. Его неспособность понять... но я уверена, какой бы му-

чительной ни была любовь, она делает человека лучше.

– Вы снова правы, но только с женской точки зрения. Любовь для женщины – это вся жизнь, смысл её существования на Земле. Но в жизни мужчины – это всего лишь эпизод и нормальное состояние лишь для тех, кто может справляться с ежедневными психическими перегрузками. Сколько мужчин совершали безумные поступки, шли на преступления из-за любви! Или спивались и кончали самоубийством.

– Но и совершали подвиги...

– Да. Чтобы обладать женщиной. Вспомните историю, много таких героев шло на подвиги после?

– Да, верно говорят, что мужчины идут на всё ради секса. – Я почувствовал напряжение в голосе Орловой, но продолжил её мысль:

– Также говорят, что женщины играют в секс ради любви. Весь мир – театр...

– Ошибаетесь. Секс для женщины – одна из составляющих отношений, естественное продолжение дружбы, уважения и доверия к избраннику. Женщина – цветок, мужчина – садовник. Если садовник создаёт благоприятные условия для своего цветка, не забывает за ним ухаживать, поливать и любоваться им, то получит не только украшение своей жизни, но и сладкие плоды. У плохого садовника и цветы плохие, и ягоды скверные. Просто мужчины стараются об этом не помнить... А игра в секс – это способ добиться от женщины чего-то желаемого, чем он готов платить за удовольствие.

Проститутке нужны деньги, карьеристке – должность, хозяйке – привязанность домашнего работника. Вот все мы и актрисы! – закончила Вера Сергеевна, вздохнув. И неожиданно добавила: – Самая большая ошибка женщин – это ожидание, что отношения с мужчиной спасут от одиночества. Глупости. Мужчины эгоистичны и безответственны!

Я видел, как стремительно портится настроение Орловой.

– Такова природа, – постарался улыбнуться я как можно искреннее. – Мы вечные дети!

– Поэтому я люблю одиночество... – Она не обратила внимания на мою реплику. – Одиночкам проще. Сам за себя, и никто никого не обманывает, и никому не будет больно... всё. Мы пришли. Здесь я живу.

Мы стояли у подъезда многоэтажного дома из белого кирпича.

– Жаль, что вечер так быстро кончается, – вырвалось у меня.

Она как-то странно посмотрела, потом произнесла с улыбкой:

– А хотите напоследок сказку о счастье, Виктор Иванович?

– Расскажите, Вера Сергеевна. Послушаю с удовольствием.

– Жил-был один холостой человек. Жил неплохо, работал, веселился. Заработанных денег хватало на поездки за границу, на красивых женщин и разные новые приобрете-

ния, которые и составляют материальное благополучие многих. Прожив сорок с лишним лет, он понял однажды, что устал. Уже почти ничего не радовало, всё чаще приходили разочарование и депрессия. И однажды этот человек решил свести счёты с жизнью. В этот момент к нему спустился ангел и поинтересовался:

«Разве плохо иметь много денег?»

«Хорошо!» – ответил человек.

«Разве плохо сытно есть, пить?»

«Хорошо!» – ответил человек.

«Разве плохо развлекаться с женщинами?»

«Хорошо!»

«Так живи, чего тебе не хватает?» – улыбнулся ангел. А человек говорит:

«В чём смысл?»

«Смысл? В гармонии!» – сказал ангел и показал человеку его половинку...

Я смотрел вслед уходящей красивой, молодой, но уже умудрённой жизнью женщине, не зная, что сказать. Понимал, что прямо сейчас мы должны расстаться, но очень этого не хотел. Я слышал стук каблучков её туфель, хотелось окрикнуть, остановить, попроситься на чай...

Пока я думал так, она подошла к подъезду.

– Спасибо, что проводили, Виктор Иванович. До свидания! – с улыбкой, которая так притягивала взгляд, попрощалась она, чуть задержавшись на пороге, затем, набрав код

кнопками на домофоне, открыла железную дверь и скрылась за ней.

– До свидания! – Я стоял, озадаченный контрастами в настроении Веры Сергеевны и своей нерешительностью.

Ночью я думал о ней. И почти не жалел, что не попросил номера её мобильного телефона. Зачем?

Многое не совпадало в мозаике наших судеб, поэтому не могло сложиться в картинку и обрести реальных очертаний. Долгие годы мы не знали друг друга, за пять лет совместной работы наши желания и мечты не сделали нас ближе. Мы продолжаем жить в разных мирах, наполненных разными интересами, встречами с разными людьми, близостью и расставанием с кем-то другим.

Но почему всё в этой женщине казалось мне таким знакомым? И зачем именно теперь, когда у меня болеет мать, Вера Сергеевна Орлова стала для меня такой необходимой? Почему долгие пять лет я не отпускаю её из своего сердца? Зачем пытаюсь завладеть хотя бы крохотным уголком в её душе? Я этого не понимал, страстно желая её. Хотел быть рядом и всегда ощущал какую-то неловкость, несоразмерность: я не мог достичь её высоты и не мог дать ей того, чего заслуживала королева. И всё в её наружности и в её окружении было устроено будто для кого-то другого. И всё же... и всё же я не мог без неё жить! Я любил. Любил, опасаясь близости. Она зашла в моё сердце без стука и без звонка. Но знать об этом

она не могла. А если бы узнала? Что тогда?

Кто я для неё? Сотрудник. Подчинённый. Могут ли сложиться меж нами дружеские отношения? Вера Сергеевна – женщина-друг? Я сам привёл аргументы против, с которыми Орлова не согласилась. Вообще-то, в моём представлении писателя жила женщина-товарищ, которая олицетворялась некой внешне интересной самодостаточной девушкой с характером, с которой можно поговорить по душам, сходить в ресторан, поехать куда-нибудь далеко, напиться до чёртиков, провести вечер или ночь вместе, бегать голышом и даже не заниматься сексом. Впрочем, секс не исключался. Но такой, что не портит дружеских отношений. Девушка-товарищ мне нравится и всё – о любви речи нет. Она признаёт во мне мужчину-друга, одинокого волка, она смеётся вместе со мной над всем миром и над всем тем, над чем смеюсь я, и надо мной, и над собой заодно. Утром она может умчаться по своим делам, а вечером появиться вновь, если я позову. Она не слишком обременяет меня своими проблемами, а я знаю, что могу пожаловаться ей на жизнь – утешит. И ещё я знаю, что иногда, точнее всегда, могу найти её, чтобы поиграть в дружбу между мужчиной и женщиной, будто веря, что просто так она смеётся моим шуточкам, подбадривает, выполняет мои прихоти и ложиться со мной в постель, будто она – не очередная из их женского рода. Уверен, что знает, что очередная, просто возле меня её держит безумное желание брать хотя бы то, что даётся в руки. И она смогла уяснить

для себя, что функция женщины – поддерживать мужчину по жизни. Выбранного ей и стоящего её усилий мужчину.

Вера Орлова совсем не подходила на роль женщины-друга. Она являлась той единственной, ради которой я сам был готов на всё. За пять неполных лет она совершила невозможное: из циника я превратился в романтика, из равнодушно-го внутреннего ленивца – в того, кто жаждет подвигов. И я ценил это превращение. Ведь так приятно хотя бы пытаться быть героем. И так хорошо иметь цель и добиваться её! Пусть даже цель изводит отказами, намёками лишь на неясную возможность, этим самым мотивируя на поступки. В общем, Вера Сергеевна Орлова являлась для меня такой недоступной богиней, которая превращает внутреннее «я» мужчины в вечный двигатель.

Она не позвонила на следующий день. И на следующий. Меня это, мягко сказать, задело. Я иногда любил поиграть с женщинами, но не любил, когда играли со мной. Но женская стратегия сработала, я всё больше привязывался к Орловой и никак не мог выкинуть её образ из головы и из сердца, где он обжился, как у себя дома. Я пытался представить, как при следующей встрече сделаю вид, что не заметил свою начальницу, но, теряясь в догадках, всё сводил к тому, что она с кем-то другим проводит ночи и встречает рассветы в чужих объятиях. Меня это злило, как неопытного подростка, а неприятное щемящее чувство острой ревности разру-

шало мой тусклый покой. Да, я ревновал! Нет, она не делала ничего предосудительного или пошлого, – даже представить, что эта изящная женщина способна на что-то пошрое, не получалось. И именно это злило меня сильнее всего.

Не выпавшийся и измученный нехорошими мыслями, утром третьего дня после нашей вечерней прогулки, я вышел на работу пораньше и стоял возле входа в офис, поглядывая на часы, в надежде, что Орлова придёт как обычно. Стрелка уже отсчитала лишних пять минут от начала рабочего времени, а её всё не было. Торчать у входа под пристальными взглядами охранников становилось неприличным, и я поднялся к себе на этаж.

Сидя перед компьютером, я никак не мог привести мысли в порядок. Работа не лезла в голову, всё валилось из рук. Каким неуклюжим становится человек, когда любит! Как быстро слетает с него шелуха самоуверенности, и каким одиноким и ненужным он кажется себе. Весь мой хваленый многолетний опыт общения с женщинами рассеялся, как дым, и я чувствовал себя очень неуверенно. Где Вера? Что с ней? Неизвестность давила.

Я понимал, что такие женщины, как Орлова, всё делают по расчёту и не выходят замуж за таких неудачников, как я. Разве её красивые ноги должны топтать грязь подъездов и коммуналок? Они достойны лимузинов или «Феррари», но никак уж не трамваев или метро. В тот день ни минуты я не мог не думать о ней. Это раздражало, но страх перед встре-

чей с Орловой стал постепенно исчезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.